

на территории другого государства, считается как бы проживающим на территории своего собственного государства. Принцип вземельности распространяется также на помещение, занимаемое иностранным государем, на лиц его семьи и свиты, сопровождающих его. Все эти лица в случае каких-либо правонарушений подлежат действию законов родной страны, а не той, где они временно проживают. Вземельными считаются, кроме того, все посольства. Участок земли, на котором помещается посольский дом, считается частью территории представляемого посольством государства. Наконец, тем же правом вземельности пользуются иностранные войска, находящиеся на территории союзного государства. Признание принципа экстерриториальности по отношению к дипломатическим представителям иностранных государств обуславливается необходимостью ограждения их свободы и независимости, без чего немисливо исполнение ими возложенных на них обязанностей.

Право в субъективном смысле Правоотношения

Обращаясь к учению о праве в субъективном смысле, мы прежде всего должны вспомнить то определение субъективного права, которое дано было выше. Право в субъективном смысле — как гласило это определение — есть та сфера внешней свободы, которая предоставляется лицу нормами объективного права. Объективное право состоит из совокупности юридических норм и олицетворяет собой общественный элемент права. Напротив того, право в субъективном смысле включает в себе индивидуальные права, или правомочия, отдельных лиц и служит выражением личного элемента в праве. Право в субъективном смысле слагается из правомочий и обязанностей, причем правам одних лиц всегда соответствуют обязанности других. Юридическая свобода одного лица непременно включает в себе притязание, требование, обращенное к другим лицам, чтобы они уважали эту свободу. Всякое право поэтому предполагает известное отношение лица — обладателя права ко всем другим лицам, которое называется юридическим отношением или правоотношением.

Правомочие и обязанность суть две стороны, элементы юридического отношения. Поэтому, прежде чем приступить к рассмотрению этих элементов правоотношения, нам необходимо познакомиться с сущностью самого правоотношения. Господствующее в науке воззрение определяет правоотношение как урегулированное правом отношение одного лица к другим лицам и вещам. В этом смысле высказываются, между прочим, Регельсбергер³⁵ и Дернбург.³⁶ Нетрудно, однако, убедиться в ошибочности этого определения. Юридические отношения суть всегда

отношения между лицами. Сторонники господствующего воззрения, доказывая правильность приведенного определения, ссылаются на то, что будто бы существуют такие юридические отношения, которые суть исключительно *отношения лица к вещи*, а не к другим лицам. Положим, например, прогуливаясь по берегу моря, я нашел жемчужную раковину или поймал в море рыбу. Между мной и рыбой или раковинной возникает отношение собственности: я приобретаю господство над найденной вещью. Господство это носит вполне юридический характер, так как опирается на постановление объективного права о *res nullius*. Ввиду того, что в этом случае не возникает, по-видимому, никакого отношения между лицом, нашедшим вещь, и другими лицами, некоторые ученые приходят к тому заключению, что могут существовать такие юридические отношения лиц к вещам, которые не есть вместе с тем отношения к другим лицам.

Аргумент этот, убедительный с первого взгляда, при ближайшем рассмотрении оказывается основанным на недоразумении. В нем смешиваются две совершенно различные вещи: фактическое господство лица над вещью и господство юридическое. Взяв раковину в руку или спрятав ее в свой карман, я тем самым выразил лишь фактическое обладание данной вещью: никакого юридического отношения между мной и раковинной не возникло. Если бы я жил на необитаемом острове, так что между мной и другими людьми ни в настоящем, ни в будущем не могли бы возникнуть никакие отношения, то сам вопрос о моем праве на господство над вещью не мог бы иметь места. Если же такой вопрос возникает в действительности, то только потому, что я живу в обществе подобных мне людей и что по поводу моего фактического господства над вещью возникает вопрос об отношениях моих к ближним. Объективное право сообщает моему фактическому господству характер юридического отношения. Это значит, что объективное право признает господство над найденной вещью исключительно за лицом, ее нашедшим, и ограждает такое господство против всяких посягательств других лиц: стало быть, право устанавливает отношение лица не к вещи, а к другим лицам.

Отношения лица к вещам право касается вообще лишь постольку, поскольку это необходимо для урегулирования отношений между лицами. Если отношение лица к вещи не нарушает прав других лиц, то праву до него нет никакого дела. Для права безразлично, каким образом я осуществляю свое господство над рыбой — съем ли я ее, продам или вытоплю из нее жир. Если объективное право подвергает известным ограничениям господство лица над вещью, то эти ограничения всегда имеют целью регулировать отношения отдельных лиц. Я не имею права возводить в моей усадьбе строение, которое может лишить света дом моего соседа, я должен платить известную часть доходов с моего дома в пользу сосуда и государства — все эти ограничения господства лица над вещью вызываются необходимостью установить правильные отно-

шения отдельных лиц между собой, к обществу и государству. Таких постановлений права, которые регулировали бы только отношение лиц к вещам, а не лиц между собой, не существует вовсе. Многие юридические отношения возникают *по поводу вещей*, но, в конце концов, всегда есть отношения между лицами. Под юридическими отношениями, или правоотношениями, таким образом, следует понимать *регулируемые нормами объективного права отношения лиц между собой*.

Элементы правоотношения. Права и обязанности

Выяснив вопрос о сущности правоотношения, мы можем перейти к рассмотрению отдельных его элементов. Элементами всякого правоотношения являются: правомочие, обязанность, субъект, обладающий правом, и объект права. Начнем с выяснения сущности правомочия. Прежде всего нам необходимо познакомиться с теми решениями этого вопроса, которые дают так называемая волевая теория права и теория интересов, представителем которой является Иеринг.

По смыслу волевой теории, сущность права, как объективного, так и субъективного, сводится к воле. Правовые нормы служат выражением воли того народа или общества, среди которого они действуют; правомочие же лица есть та сфера, в которой господствует индивидуальная воля, защищенная нормами объективного права. По этой теории правоспособность совпадает с волеспособностью. При такой несовершенной формулировке волевой теории Иерингу, разумеется, нетрудно было доказать ее негодность. Нелепо, например, отождествление правомочия с волей лица, потому что есть много лиц, обладающих правами, но не имеющих сознательной воли; таковы дети, сумасшедшие. Некоторые права признаются даже за человеческим зародышем. Нелепо было бы утверждать, например, что право грудного ребенка на наследство есть выражение его воли. Нельзя также понимать право ребенка в смысле выражения его *будущей* воли. Воля обладать наследством может вовсе не возникнуть, если, например, ребенок родился кретином или помешанным, а право на наследство тем не менее останется за ним. Но положим даже, что ребенок будет совершенно здоров; все же и в этом случае право может находиться в противоречии с его волей. Если, например, наследство, которое он получит, обременено долгами и ничего, кроме хлопот и неприятностей, доставить не может, то очевидно, что право на такое наследство не будет соответствовать воле наследника; однако оно в силу этого не перестанет быть правом.

На основании всех этих соображений Иеринг пришел к убеждению, что не воля, как утверждала волевая теория, а *интерес лица* составляет сущность правомочия. Право, по учению Иеринга, складывается из двух элементов: *материального*, под которым разумеется интерес, выгода лица, обеспечиваемая правом, и *формального*, который состоит в защите или охране интересов лица против всяких возможных посягательств.

Право в субъективном смысле, с этой точки зрения, определяется как защищенный интерес.

Нетрудно, однако, убедиться в ошибочности и этой теории. Дело в том, что можно привести целый ряд случаев, когда интерес и право лица далеко не совпадают и даже прямо противоречат друг другу. Положим, что я получаю в наследство собственность, обремененную долгами. В этом случае я заинтересован не в сохранении, а в прекращении права собственности. Доказательством того, как часто право наследования не совпадает с интересами наследника, является, между прочим, тот факт, что в Риме существовала институт принудительного наследства (*heres suus et necessarius*). Право на наследство, вместо того чтобы быть выражением интереса лица, может послужить источником его разорения или даже гибели. Я могу получить в наследство зараженное дифтеритом одеяло, которое ничего, кроме страданий, не может мне доставить. Нечего говорить о том, что я могу получить по наследству вещь, не имеющую для меня никакого значения, например рукопись самого нелепого содержания, старую зубочистку и т. п.

Да и кроме наследования, есть различные способы приобретения прав, не имеющих ничего общего с нашими интересами или даже прямо отягчительных. Так, например, вместе с правом на купленное мной имение я приобретаю право на болото, которое своими гнилостными испарениями отравляет воздух и вредно влияет на мое здоровье, но за которое мне, может быть, приходится платить налог в казну. Я приобретаю также право на сусликов и мышей, объедающих мой хлеб, на лисиц, пожирающих мою домашнюю птицу, и на зайцев, портящих мои плодовые деревья. Наконец, в сфере чисто личных прав сплошь да рядом встречаются права, несогласные с интересами тех, кому они принадлежат. Далеко не всегда, например, муж заинтересован в своих супружеских правах, отец — в родительских. Если бы интерес составлял сущность правомочия, то прекращение интереса непременно влекло бы за собой уничтожение права. В действительности мы этого, однако, не видим. Как бы муж ни желал прекращения своих супружеских прав, они, если ему не удастся добиться развода, продолжают существовать вопреки его интересу.

Итак, мы должны прийти к заключению, что теория интересов, предложенная Иерингом, так же неосновательна, как и опровергнутая им волевая теория права. Право в субъективном смысле не есть ни выражение воли лица, ни защищенный юридическими нормами интерес. Оно есть та сфера внешней свободы, которая отводится отдельному лицу нормами субъективного права. При таком определении субъективного права отпадают все затруднения, связанные с разобранными нами теориями. Цель права согласно предложенному определению состоит в том, чтобы очертить ту сферу внешней свободы лица, в которую не должны вторгаться другие лица. Предоставляя лицу правомочие, право не спрашивает, соответствует ли это правомочие интересам данного лица, выгодно ли оно ему или нет.

Так, например, закон, предоставляя мне право на болото, не интересуется тем, на пользу или во вред послужит мне эта собственность. Я могу найти в этом болоте целебные ключи и благодаря этому обогатиться или же могу схватить малярию — праву до этого нет никакого дела. Все содержание права сводится к запрещению другим лицам вторгаться в сферу моей внешней свободы, в данном случае — к воспрещению препятствовать мне распоряжаться моим болотом. Другой пример, приводимый В. Соловьевым, служит также наглядным доказательством того, что содержание права в субъективном смысле сводится к свободе лица. Закон ограждает частное жилище каждого человека от вторжения непрошенных посетителей. Я могу запереться в своем доме на ключ и никого не пускать к себе, и закон будет защищать мое право. При этом закону безразлично, с какой целью я это делаю. Я могу искать одиночества, чтобы заниматься научными работами, но могу также запираюсь, чтобы наедине напиваться водкой. Право одинаково ограждает меня как от тех непрошенных гостей, которые пришли помешать моим научным занятиям, так и от тех друзей, которые, зная мою слабость, пришли, чтобы удержать меня от вредного для моего здоровья порока. Если бы право имело в виду мой интерес, мою выгоду, то, разумеется, оно должно было бы допустить ко мне друзей, желающих спасти меня от гибели. В действительности же и в данном случае содержанием правомочия является вовсе не мой интерес, а единственно моя свобода.

Против всего сказанного у защитников теории интересов остается в запасе еще один аргумент, на который мы и постараемся теперь отвечать, а именно — их вечная ссылка на детей и сумасшедших. Дети и умалишенные, говорят они, не могут обладать свободой распоряжаться собой и своим имуществом, так как такая свобода предполагает сознательную волю, способную определяться разумными целями; между тем они обладают правами. Стало быть, содержанием их прав является не их свобода, коей они иметь не могут, а их интересы, которые вовсе не предполагают сознания и способности разумного самоопределения. Предоставляя детям и безумным имущество, право охраняет вовсе не их свободу — располагать своим имуществом, а их интересы — есть, пить, одеваться и т. п. Стало быть, нельзя отождествлять правомочие со свободой, предоставляемой нормами объективного права.

Приведенный аргумент защитников теории интересов так же неубедителен, как и все прочие их доводы. В самом деле, ясно, что у малолетних и сумасшедших могут быть такие права, которые ничего общего с их интересами не имеют и даже противоречат им. Идиот или кретин может обладать библиотекой философских произведений. У сумасшедшего может быть имение, которое не представляет для него никакого интереса вследствие того, что оно обременено долгами. Профессор Петражицкий правильно замечает, что ссылка на сумасшедших и детей не подтверждает, а скорее опровергает теорию интересов. В самом деле, что бы мы ни понимали под словом интересы: будут ли это цели,

которые действительно преследуются людьми, или же те разумные, нормальные цели, к которым они должны стремиться, мы увидим, что содержание права детей и безумных отнюдь не сводится к их интересам.

В самом деле, право не признает и не защищает неразумных, противоестественных интересов детей и сумасшедших. Иной ребенок заинтересован в том, чтобы играть спичками или бить свою няню. Иной сумасшедший заинтересован в том, чтобы ему воздавались божеские почести или признавались его права на испанский престол. Право не признает и не считается с этими интересами. Поэтому содержанием правомочий детей и сумасшедших не могут считаться те интересы и цели, к которым они в действительности стремятся.

То же самое должно сказать и об их "нормальных, разумных", интересах. Дело в том, что само понятие "разумного" и "нормального" интереса чрезвычайно неопределенно. Что собственно следует понимать под нормальным интересом лица? Очевидно, что на этот вопрос может быть столько же различных ответов, сколько существует различных пониманий задач и целей человеческой жизни. С точки зрения последовательного христианства, интерес всякого человека состоит в том, чтобы имущество его было употреблено на пользу ближнего. Если мы станем на точку зрения Ницше³⁷ или Макса Штирнера,³⁸ то нормальными интересами окажутся интересы чисто эгоистические. Спрашивается: какие же интересы суть "нормальные" и какие именно составляют содержание права — эгоистические или альтруистические, вытекающие из себялюбия или из бескорыстной любви к ближнему? Очевидно, что ни те, ни другие, а единственно только интерес — человеческой свободы. Подчиняя ребенка опеке, право кладет предел осуществлению как эгоистических, так и альтруистических интересов ребенка: оно заботится о том, чтобы его имущество не было растрачено ни для тех, ни для других. Закон в данном случае охраняет не интересы ребенка, признаваемые им за разумные и нормальные, а единственно свободу ребенка от посторонней эксплуатации в настоящем и его свободу распорядиться своим имуществом в будущем, в зрелом возрасте, если он такого достигнет.

Утверждение, будто ребенок или сумасшедший не может пользоваться свободой, предоставляемой правом, так как не обладает разумной волей, также неосновательно. Свобода, предоставляемая правом, выражается, во-первых, в том, что объективное право устраняет ряд важнейших препятствий к осуществлению лицом определенных целей и ограждает его независимость против посторонней эксплуатации, а во-вторых, в том, что оно предоставляет ему условную возможность самоопределения, т. е. возможность самостоятельного осуществления своих целей. Из тех целей человеческого существования, которые признаются и защищаются правом, далеко не все предполагают разумную, сознающую себя волю. Для того чтобы не быть чужим рабом, чтобы существовать и пользоваться известными материальными благами, вовсе не нужно

обладать зрелым и здравым рассудком: цели эти вполне доступны ребенку и умалишенному. Признавая, что никто не должен покушаться на жизнь этих лиц, что они могут пользоваться известным имуществом и что они не должны быть ничьими рабами, право тем самым признает, что они — свободны жить, свободны в известных пределах пользоваться закрепленными за ними материальными благами и что в качестве лиц свободных они не могут быть низводимы на степень вещи, т. е. быть обращены в средства для чужих целей. Сказать, что всякий человек есть субъект прав, — значит сказать, что всякий человек в известных пределах есть свободное лицо. Умалишенным и детям недоступны только высшие проявления юридической свободы — свобода самостоятельно совершать юридические акты и вообще все те действия, которые предполагают зрелый, развитый рассудок. Но и эта свобода предоставляется им условно, одним — по выздоровлении, другим — по достижении ими зрелого возраста.

Устранив, таким образом, те возражения, которые приводятся обыкновенно против определения субъективного права как внешней свободы, обратимся к рассмотрению вопроса о тех лицах, которым принадлежат правомочия, — о субъектах права.

Субъекты права. Лица физические

Субъектом права называется всякий, кто способен иметь права независимо от того, пользуется ли он ими в действительности или нет. Способность иметь право называется правоспособностью. Основная задача настоящего отдела заключается в разрешении вопроса о том, кто является субъектом права, кого следует считать правоспособным.

Во всех юридических энциклопедиях отдел о субъекте права начинается с положения, что субъектом прав является человек, *физическое лицо*. Положение, что люди являются субъектами прав, само собой очевидно и не нуждается в разъяснении. Но рядом с этим значительная часть юристов полагает, что субъектами права могут быть только живые действительные люди. Положение это служит в наше время предметом спора, имеющего первостепенное значение. Утверждение, что субъектом права может быть только живой человек, тесно связано с узкореалистическим пониманием права. Господствующее воззрение сводит содержание права в субъективном смысле к интересу; обладателем же интереса может быть, разумеется, только живое, чувствующее существо. В частности, Иеринг не может представить себе субъекта прав, как он выражается, "без брюха". Если "теория интересов" верна, то Иеринг совершенно прав: интересы могут быть или у живого лица, или у собрания живых лиц. Интересы индивида вместе с ним рождаются и вместе с ним умирают. У покойников не может быть интереса и, следовательно, если право — то же, что интерес, то субъектами права могут быть только лица, физически существующие.

В действительности, однако, существует и признается целый ряд субъектов права, которым вовсе не соответствуют действительные конкретные люди. Из ряда примеров мы легко убедимся, что понятие субъекта прав и понятие лица, фактически существующего, не совпадают между собой. Прежде всего из тех же энциклопедий, которые утверждают, что субъектами прав могут быть только действительные живые люди, мы узнаем, что право охраняет не только лиц родившихся, но и имеющих родиться, — зародышей. В целом ряде энциклопедий утверждается, что рождение тогда только признается действительным, когда ребенок вполне отделился от матери; с другой стороны, те же энциклопедии учат, что и человеческий зародыш "имеет право на охранение его утробной жизни". Карая за вытравление плода, право обеспечивает правильное развитие зародыша, различными уголовными и полицейскими мерами охраняет их имущественные и наследственные права.

Спрашивается: как же примирить эти противоречивые утверждения, то отрицающие, то признающие за зародышем значение субъекта права? Ясное дело, что раз закон признает и охраняет права зародыша, последний тем самым признается за субъекта права. Но если так, то, стало быть, субъектом права может быть лицо, еще не родившееся, не способное чувствовать и иметь интересы. Трудно, в самом деле, говорить об интересах зародыша, который в первый период утробной жизни ведет жизнь чисто растительную. На это сторонники теории интересов ответят, очевидно, что право защищает будущие интересы зародыша, интересы, которые он будет иметь, когда он разовьется в человеческое лицо. Но говорить так — значит признавать, что для существования права нет необходимости в наличности действительного интереса; достаточно *интереса возможного, предполагаемого*. Теория интереса исходит из предположения, что содержание права составляет интерес, действительно существующий. Поэтому утверждать, что право может сводиться к интересу возможному, еще не существующему в действительности, — значит подкапывать самые основы этой теории.

Зародыш представляет собой, по крайней мере, положительную возможность физического существования определенного лица. Но право знает случаи, когда сама возможность физического существования лица прекратилась, а лицо все-таки признается субъектом права. Это случаи так называемого безвестного отсутствия. Законодательство всех стран определяет срок, в течение которого безвестно отсутствующий считается живым и за ним сохраняются его прежние права. Наше русское законодательство обуславливает расторжение брака безвестным отсутствием в течение 5 лет; имущественные же права сохраняются за безвестно отсутствующим в продолжение 10 лет. Разумеется, легко может случиться, что безвестно отсутствующий погиб; права же его тем не менее продолжают существовать. Известный воздухоплаватель Андрэ, отправившийся открывать Северный полюс, быть может, давно покоился на дне Ледовитого океана, когда право еще продолжало признавать субь-

екта прав Анрэ, признавало его брачные, имущественные и другие права, доколе не истек установленный французским законом срок безвестного отсутствия. Стало быть, таким образом, субъект права и лицо живое, физически существующее, не совпадают между собой. Субъект права может продолжать существовать, когда соответствующий ему человек прекратил свое физическое существование. Значит, вопреки мнению Иеринга, субъектами прав могут быть не только люди действительные, живые, но и люди только предполагаемые.

Но и этого мало. Не только в случае безвестного отсутствия, но и вообще юридическая личность человека переживает его как лицо, физически существующее. На этом, между прочим, основано все наследственное право. Если бы субъектами права были только живые люди, то все права лица прекращались бы с его смертью. Посмотрим, так ли это в действительности? На самом деле закон уважает волю умершего, выраженную в завещании (разумеется, если завещание не содержит в себе чего-либо противозаконного), и обеспечивает ее исполнение; стало быть, право признает и защищает право умершего. С точки зрения Иеринга, при наследовании субъектом права является только наследник, а не наследодатель. Нетрудно, однако, убедиться в несостоятельности такого мнения. При наследовании наследники действительно являются субъектами права, но право их всецело вытекает из прав наследодателя. Если мы отвергнем право завещателя владеть имуществом, завещать, то права наследников падают сами собой. Права наследников существуют единственно во имя прав наследодателя. Если, например, наследодатель завещает чужую вещь, то закон не признает его завещания.

Я могу завещать только то, что действительно мне принадлежит. Всякий суд, прежде чем утвердить наследников завещателя в их правах, должен сначала удостовериться в действительной принадлежности завещанного имущества наследодателю и, только исходя из права наследодателя, он может признать или не признать имущество за наследниками.

Чтобы удостовериться в том, что юридическая личность человека переживает его как лицо, физически существующее, посмотрим, что случилось бы, если бы право умершего прекращалось с его смертью. В этом случае, во-первых, завещание не имело бы никакой силы: наследник может получить завещание, только опираясь на право покойного завещателя. Если бы субъектами права были только живые люди, то человек мог бы распоряжаться своим имуществом только в пределах своей земной жизни: относительно того назначения, какое оно должно получить после его смерти, он не мог бы делать никаких распоряжений.

Вообще, если признать, что субъектами прав могут быть только живые люди, "могущие обладать интересами", то должно рухнуть не только право завещания, но вообще все наследственное право. Если со смертью человека разом прекращаются все его права, то его имущество должно рассматриваться как никому не принадлежащее, а стало быть,

притязания на это имущество каких бы то ни было наследников теряют всякие юридические основания. О правах наследников нельзя говорить, основываясь только на "прежних" правах наследодателя: права наследодателя, которые уже прекратились (например, права на вещи, им проданные или подаренные), по наследству передаваемы быть не могут. Чтобы признавать права наследников, нужно признать, что права наследодателя, которые к ним переходят, представляют собой нечто не прекратившееся, длящееся после смерти наследодателя.

С точки зрения теории интересов, указанные явления необъяснимы: интересами могут обладать только живые, действительно существующие люди; между тем оказывается, что субъектами права могут быть люди, не только действительно существующие, но и предполагаемые, имеющие родиться и прекратившие свое физическое существование, стало быть, не могущие иметь интересов. Может быть, скажут, что такие лица не могут быть и свободными, что свобода также является принадлежностью реального живого лица.

На это следует ответить, что та свобода, которая, с нашей точки зрения, составляет содержание правомочия, не есть физическое или психическое состояние или свойство какого-либо реального субъекта. Мы определили правомочие как "свободу, предоставляемую лицу нормами объективного права". Для того чтобы *предоставлять* свободу, признавать ее за кем-либо, не требуется непременно реального существования того лица, за которым признается свобода: для этого достаточно *предполагаемого, возможного* существования такого лица. Достаточно предположения, что определенное лицо (зародыш) имеет родиться, чтобы заранее признать его свободным против посягательств ближнего на его жизнь и имущество. Достаточно предположения, что определенное лицо (безвестно отсутствующий) действительно существует, чтобы признать его свободным беспрепятственно пользоваться известной суммой жизненных благ; точно так же нет ничего нелогичного в том, если право предоставляет лицу свободу делать такие распоряжения, которые простираются за пределы его земного существования, и обеспечивает беспрепятственное осуществление его целей после его смерти. Нет ничего нелогичного в том, чтобы признавать посмертное господство независимой воли лица в определенной имущественной сфере.

Правоспособность и дееспособность физических лиц

Из предшествующего изложения видно, что понятие "субъекта прав" и понятие лица, фактически существующего, не совпадают. Поэтому самый термин "физическое лицо", ходячий в современной юриспруденции, может быть употребляем только с той неизбежной оговоркой, что он не вполне точно выражает обозначаемое понятие: под физическим лицом надо понимать лицо индивидуальное, единичное, в противоположность лицам коллективным, которые называются лицами юридичес-

кими; лицом физическим обыкновенно называется всякий индивид правоспособный, т. е. могущий обладать правами.

От правоспособности следует отличать *дееспособность*. Мы видели, что под правоспособностью разумеется способность лица иметь права независимо от того, приобрело ли оно право и имеет ли их в действительности. Под *дееспособностью* разумеется способность совершать юридические действия, т. е. устанавливать собственной волей свои правоотношения. Понятно, что не все правоспособные лица в то же время и дееспособны. Например, дети, сумасшедшие не могут совершать никаких юридических сделок, ни покупать, ни продавать, ни подписывать векселя. Напротив, лица дееспособные *eo ipso* являются правоспособными. Правоспособность, стало быть, есть понятие более широкое, тогда как дееспособность — более узкое понятие, распространяющееся на меньший круг лиц.

Все люди правоспособны, но не все обладают правоспособностью в одинаковой мере. Различие в правоспособности отдельных лиц находит себе основание в самой природе людей: не все одинаково разумны, одинаково одарены волей; не все достигают одинакового развития, и умственного и нравственного. Нельзя, например, предоставить одинаковые права ребенку и взрослому, умалишенному и здравомыслящему, образованному и безграмотному. Тем более, понятно, нельзя уравнивать людей в отношении их дееспособности: на правоспособность, кроме указанных различий в природных дарованиях и образовании людей, влияет еще и ряд исторических условий. В наше время сословные привилегии, по крайней мере в теории, отжили свой век, но все-таки в действительности они далеко не вполне и далеко не всюду исчезли: сословные различия продолжают влиять на правоспособность.

1) К числу условий, влияющих на правоспособность, принадлежит прежде всего *возраст*. Законодательства всех стран определяют так называемый возраст *гражданского совершеннолетия*, по достижении которого личность становится дееспособной и приобретает право совершать юридические сделки. Равным образом все законодательства определяют возраст *политического совершеннолетия* — тот возраст, когда гражданин приобретает политические права, например право избирать и быть избираемым на выборные должности, право быть представителем в земстве, думе, присяжным заседателем в суде и т. п. Наконец, в законодательствах всех стран определяется возраст брачного совершеннолетия, когда человек приобретает способность вступать в брак.

2) Другим условием, оказывающим влияние на правоспособность лица, служит *пол.* Почти все законодательства ограничивают права женщины участвовать в политической жизни государства, занимать общественные должности, принимать участие в выборах там, где существуют избирательные учреждения. В большинстве современных законодательств ограничиваются также имущественные права женщины. Так,

например, многие законодательства при наследовании по закону назначают большую долю наследства сыновьям.

3) На правоспособность, далее, оказывает влияние *здоровье* лица. Брачная правоспособность лица в сильной степени зависит от этого обстоятельства: половое бессилие, например, может служить поводом к расторжению брака. Глухота и слепота, естественно, препятствуют поступлению на государственную службу. Душевные болезни лишают человека политических прав и дееспособности.

4) Затем на правоспособность влияет *родство*. По отношению к браку оно имеет большое значение: близкие родственники не имеют права вступать друг с другом в брак. В различных государствах законодательства устанавливают различные степени родства, служащие препятствием к браку; но везде с родством связано ограничение брачной правоспособности. Воспрещение браков между близкими родственниками коренится не только в религиозных верованиях, но и в серьезных физиологических причинах. Вековой опыт показал, что браки между близкими родственниками пагубно отзываются на здоровье будущих поколений. Кроме родства, на брачное право оказывает влияние духовное родство, причем тут, конечно, воспрещение вступать в брак имеет для себя сомнительные основания.

5) Пятым условием, влияющим на правоспособность человека, служит *гражданская честь*. Гражданская честь состоит в признании за человеком доброго имени, того достоинства, которое считается принадлежностью всякого гражданина, не запятнавшего себя никакими неблагоприятными деяниями. Лишение гражданской чести влечет за собой потерю многих важных прав, например права быть присяжным заседателем, опекуном, поверенным по чужим делам, третейским судьей. Каждый гражданин, не опороченный судебным приговором, считается обладающим гражданской честью; он может ее утратить только в том случае, если на суде будет доказано, что он совершал поступки, несовместимые с гражданской честью.

6) Наконец, на правоспособность лица оказывает влияние и *религия*, которую оно исповедует. В большей части современных государств одна какая-нибудь религия признается господствующей. К остальным вероисповеданиям различные государства относятся неодинаково. Одни государства допускают полную веротерпимость, другие же, напротив, подвергают большим или меньшим стеснениям религиозную свободу. Собообразно с этим вероисповедание оказывает некоторое влияние на правоспособность граждан; одним гражданам предоставляется, другим же не предоставляется право свободно исповедовать и проповедовать свою религию; некоторые вероисповедания признаются терпимыми, но лишены свободы проповеди; некоторые же совсем воспрещаются и преследуются. Особенно важным ограничением правоспособности является запрещение устной или письменной пропаганды, устанавливаемое законом для вероисповеданий, не признаваемых государственной религией.

В некоторых государствах с известной религией связывается ограничение даже гражданских и политических прав. Так, у нас, в России, существует целый ряд ограничений, направленных против евреев. Кто не знает, что в некоторых местностях они не имеют права приобретать имения, для них ограничен доступ в учебные заведения определенным процентным отношением; что они ограничены в праве свободного передвижения и выбора местожительства в пределах Российской империи законами, устанавливающими "черту еврейской оседлости"!

7) Кроме перечисленных условий, на правоспособность влияет еще и *подданство*. Иностранные подданные в пределах чужого государства не пользуются политическими правами; в области права гражданского, напротив, проводится принцип равноправности, хотя он и подлежит некоторым ограничениям. Так, например, в предупреждение опасности на случай неприятельского вторжения некоторые государства воспрещают иностранным подданным владеть имениями в областях пограничных. В том же смысле влияет иногда не только подданство, но и *национальность*; так, например, поляки, хотя бы и русские подданные, не имеют права приобретать имений в юго-западном крае, причем цель этих ограничений заключается в русификации края.

Юридические лица

Кроме лиц индивидуальных, обыкновенно называемых "физическими", субъектами права могут быть еще и так называемые юридические лица. Кроме отдельных людей, носителями прав и обязанностей могут быть союзы людей и учреждения. Так мы говорим о правах и обязанностях государства, земства, акционерных компаний, благотворительных обществ и т. п. Словом, кроме индивидуальных субъектов права, по видимому, существуют еще и лица собирательные, искусственные, создаваемые для удовлетворения общественных потребностей или же для осуществления коллективных целей группы частных лиц, причем эти собирательные лица носят название лиц юридических.

В науке учение о юридических лицах — одно из самых спорных. Спор идет в особенности о том, должны ли признаваться так называемые юридические лица особыми самостоятельными субъектами права, или же субъектами права должны быть признаваемы только отдельные индивидуумы?

I. Из существующих учений о юридическом лице прежде всего обращает на себя внимание так называемая *теория фикций*, коей родоначальником является знаменитый Савиньи; теория эта и в настоящее время находит себе многочисленных приверженцев. Сущность ее сводится к следующему: с одной стороны, для достижения целого ряда необходимых целей, которые не могут быть осуществлены разрозненными усилиями отдельных человеческих индивидов, представляется необходимым создавать учреждения и корпорации, наделяя их правами

имущественными и другими. С другой стороны, этим правомочиям недостает такого реального субъекта, который мог бы считаться их обладателем, носителем. Между тем прав бессубъектных быть не может: мы не можем говорить о правах иначе, как приписывая их кому-нибудь: поэтому право в подобных случаях прибегает к *фикции*, т. е. создает лицо вымышленное, искусственное. В действительности субъектом прав может быть только человек; так называемые лица юридические суть лица только фиктивные.

После всего сказанного в отделе о физическом лице о том, что такое субъект права, теория Савиньи не нуждается в пространным опровержении. Достаточно указать, что она покоится на ложном предположении, будто действительными субъектами прав могут быть только живые, физически существующие люди. Говорят, будто субъектом прав может быть только такое лицо, которое действительно может наслаждаться, лично для себя пользоваться своими правами. Корпорации и учреждения не могут чувствовать, стало быть, и наслаждаться; отсюда сторонники теории фикций заключают, что они являются не реальными, а только фиктивными субъектами прав. Заключение это неверно потому, что в действительности субъект пользования, наслаждения — вовсе не одно и то же. Мы знаем множество случаев, когда право принадлежит одному лицу, а пользуется, наслаждается им другое лицо. Положим, я завещал все мое имение душеприказчику, с тем чтобы он раздал столько-то бедным, столько-то разным благотворительным учреждениям: в этом случае субъектом права является душеприказчик, а субъектами пользования — бедные. Стало быть, нельзя отрицать за учреждением значение действительного субъекта права на том основании, что оно не является субъектом пользования. Мы видели, что понятие субъекта права вообще не совпадает с понятием конкретного, живого индивида; вследствие такого несовпадения субъектами прав прекрасно могут быть признаваемы учреждения и общества, причем для этого вовсе не нужно прибегать к фикции. В самом деле, фикция есть вымысел, предположение чего-то несуществующего; между тем, приписывая права учреждениям и корпорациям, мы вовсе не вынуждены вымышлять что-либо несуществующее: соединения людей в общества, преследующие определенные цели, а равным образом и учреждения с определенными функциями есть величины весьма реальные. Раз "субъект прав" — вообще не то же, что человек, то называть учреждения и корпорации юридическими лицами — вовсе не значит создавать фикции.

II. Не более верной является и теория Иеринга. Собственно говоря, она исходит из того же предположения, как и теория Савиньи. Савиньи учит, что действительным субъектом права бывает только живая, конкретная человеческая личность; того же воззрения держится и Иеринг. При общности основной посылки Савиньи и Иеринг расходятся, однако, в выводах, которые они из нее делают. По Иерингу, ошибочно вообще говорить об юридических лицах как о каких-то особых субъектах права:

истинными субъектами права, по его мнению, являются вовсе не юридические лица, а отдельные их члены, т. е. лица физические, живые люди. Например, действительным субъектом права, согласно Иерингу, является не университет, а отдельные члены этого учреждения: ректор, профессора, студенты. Юридическое лицо как таковое неспособно чувствовать, наслаждаться, пользоваться правами, а следовательно, — неспособно иметь права. Права, которыми лицо само не пользуется, вовсе не есть его права. Поясним это положение примером. Из университета могут извлекать пользу профессора, студенты и т. д., а не самый университет, который не в состоянии извлекать для себя пользу из своих прав, неспособен чувствовать и наслаждаться: поэтому не университет, а лица, которым он служит, должны признаваться субъектами права. Вообще юридическое лицо, по мнению Иеринга, не более как способ проявления правовых отношений лиц, входящих в его состав.

Неверность основного предположения, из которого выходит Иеринг, была уже указана при разборе теории Савиньи. Но в теории Иеринга оно проведено еще последовательнее, а потому несостоятельность его становится еще яснее, еще нагляднее. В самом деле, в числе юридических лиц есть и такие, которые существуют совершенно независимо от желания или нежелания физических лиц, входящих в их состав. Если бы действительными субъектами прав университета являлись профессоры, студенты и т. д., то университет не мог бы быть основан иначе, как при наличии профессоров, студентов, членов университетской администрации, и мог бы прекратить свое существование по воле этих лиц. На самом деле, однако, мы видим совершенно иное: сначала правительство основывает университет, а потом назначает ректора, приглашает профессоров и открывает прием студентов. Следовательно, возникновение юридического лица в данном случае предшествует вступлению в него физических лиц, способных чувствовать и наслаждаться.

Точно так же университет не может прекратить своего существования по воле своих членов: ни в силу постановления профессоров, ни в силу решения студентов и т. д. Члены университета постоянно обновляются: одни выбывают, другие вновь вступают в него, — но сущность университета от такой перемены лиц нисколько не изменяется. Далее, если бы в силу какой-либо катастрофы, вследствие, например, чумной эпидемии, все лица, входящие в состав университета, внезапно вымерли, — университет не прекратил бы оттого своего бытия, а продолжал бы существовать и сохранять свои права.

Наконец, с точки зрения Иеринга оказывается неразрешимым вопрос: кого следует считать действительными субъектами права учреждения — наличных ли только его членов или также и будущих его членов? Очевидно, не наличных только, так как за выбытием членов сущность учреждения не изменяется. Если же признать, что учреждение является выразителем прав наличных и будущих его членов, то придется признать, например, такую нелепость: субъектами прав, присвоенных

университету, должны считаться неокончившие курса гимназисты, новорожденные младенцы, даже зародыши, еще не явившиеся на свет Божий.

Несостоятельность теории Иеринга подтверждается также следующими примерами. С точки зрения Иеринга, субъектами прав богадельни являются те лица, которые пользуются ее благодеяниями: разного рода нищие, вдовы, больные и слабые старики. Но ни нищие, ни другие призываемые *не имеют права* на поступление в богадельню; они принимаются туда во имя человеколюбия, а не во имя их права, стало быть, не они — действительные субъекты присвоенных богадельней прав. Также не могут считаться субъектами прав богадельни и лица, заведывающие ею; на имущество богадельни эти лица никаких прав не имеют: если же они совершают для нее какие-либо юридические сделки, то они действуют не по собственному праву, а в качестве представителей прав богадельни как юридического лица.

III. В сущности, теория Иеринга равнозначительна совершенному отрицанию юридического лица. Еще резче то же отрицание выражается в учении немецкого юриста *Бринца*:³⁹ он, как и Иеринг, полагает, что единственными субъектами права могут быть только живые, конкретные люди. С этой точки зрения Бринц восстает против теории фикций, сформулированной Савиньи. По его мнению, фикция лица предполагает признание того, что лицо в действительности не существует; но то, что не существует, не может обладать никакими правами. С этой точки зрения вообще нельзя говорить о юридических лицах. "Различать физические и юридические лица, — говорит он, — в юриспруденции то же самое, что в антропологии — делить людей на действительных людей и на садовые пугала". В праве, по его мнению, надо различать не два вида лиц, а два вида имуществ. Нужно различать имущества, принадлежащие *кому-нибудь*, и имущества, служащие *чему-нибудь*; имущества *личные*, составляющие сферу господства отдельного лица, и *целевые* имущества, предназначенные служить тем или другим целям.

По Бринцу, например, нельзя говорить об университете как о юридическом лице и субъекте права: то, что называется имуществом университета, принадлежит, следовательно, не университету как юридическому лицу, а той просветительной цели, которую преследует университет.

Таким образом, по Бринцу, выходит, что так называемые права юридического лица есть собственно права без субъекта; его собственность — собственность без собственника; его долги — долги без должника.

Если мы внимем в теорию Бринца, то легко увидим, что она так же не выдерживает критики, как и теории Савиньи и Иеринга. Прежде всего эта теория противоречит природе нашей мысли. Учение Бринца приходит к признанию прав и обязанностей бессубъектных, т. е. таких прав, которые никому не принадлежат, и таких обязанностей, которые ни на ком не лежат. Между тем прав бессубъектных мы помыслить не

можем, так как само предположение таких прав заключает в себе логическое противоречие. В действительности всякое право предполагает возможность что-либо делать, возможность осуществлять какие-либо цели; и такая возможность может принадлежать только лицам. Университет, например, помимо тех имуществ, которые ему принадлежат, может приобретать новые, может вступать в обязательства, заключать договоры, — спрашивается: может ли цель покупать или принимать на себя обязательства? Бринц на это отвечает, что право совершать такие действия принадлежит не самой цели, а ее физическим представителям, например по отношению к университету оно принадлежит правлению университета. Но все перечисленные действия совершаются членами правления университета не в силу их собственного права, а по праву университета; стало быть, как бы мы ни рассуждали, университет является субъектом прав, юридическим лицом.

К каким несообразностям может привести теория Бринца, легко видеть из следующего примера. Представим себе, что существуют два общества А и В, которые обладают каждое своим имуществом и преследуют одну и ту же цель. Если бы их имущество считалось принадлежностью той цели, которую они преследуют, то мы имели бы не два отдельных имущества, а одно "целевое" имущество. В действительности, однако, мы видим нечто совершенно другое. На самом деле имущество составляет принадлежность не цели, а принадлежность двух обществ как определенных, разделенных и самостоятельных субъектов права, из коих ни один не может распоряжаться собственностью другого. Наконец, права могут принадлежать обществам и там, где еще вовсе нет имущества; например, за благотворительным обществом могут быть признаны права, хотя бы оно в начале своего существования не имело никакого имущества, — в предположении будущего имущества, которое имеет составиться из пожертвований и членских взносов. "Целевого" имущества здесь, стало быть, нет, а между тем существует общество, за которым закон признает правоспособность и которое поэтому должно быть признано субъектом права, юридическим лицом.

IV. От всех разобранных теорий о юридическом лице резко отличается теория "социальных организмов", распространенная в Германии (Гирке,⁴⁰ Безелер,⁴¹ Регельсбергер). Представители этой теории признают ошибочность того положения, в силу которого действительным субъектом права может быть только физическое лицо: по их мнению, рядом с индивидуальными субъектами права существуют субъекты права сверхиндивидуальные, а именно социальные организмы. Юридические лица — не фикции, а живые организмы, которые обладают своей особой, самостоятельной волей, чувством, желаниями, корпоративной честью. Отличительная черта лица, говорит Регельсбергер, есть воля, самостоятельные интересы и жизнедеятельность. Все эти признаки мы находим в тех двух видах юридических лиц, которые обыкновенно различаются в науке: в корпорациях и учреждениях. Корпорация составляется из

отдельных человеческих личностей и представляет соединение их для общей цели. Вследствие взаимодействия воли отдельных индивидов, стремящихся к общей цели, возникает новая воля — воля коллективная, общая всем членам корпорации, образующаяся из индивидуальных волей, как поток из слияния отдельных ручьев.

Возьмем любой союз людей, например государство, церковь, общество ученое или благотворительное, акционерную компанию. Все они преследуют какой-либо особый интерес, имеют особую, самостоятельную волю, отличную от воли каждого отдельного индивидуума, входящего в состав этих корпораций, и, следовательно, должны рассматриваться как лица.

То же самое следует сказать и об учреждениях. Учреждение есть организм, посредством которого силы и деятельность отдельных лиц утилизируются для какой-нибудь общественной цели. Здесь также воля отдельных личностей образует новую, собирательную волю учреждения, отличную от воли участвующих в нем лиц. "Собирательные лица, — говорил Регельсбергер, — не суть произведения природы, подобно людям, а представляют собой социальные образования. Мы не можем видеть их нашими телесными очами, мы не можем их осязать: из этого, однако, не следует, что они представляют собой пустые схемы, фикции. Многие из этих собирательных лиц самым осязательным образом доказывают нам свое реальное существование. Не один только телесный мир существует реально. Кто отождествляет телесное с действительно существующим, тот должен вовсе отрицать существование права".

Против этой теории (социальных организмов) можно привести несколько всяких соображений. Профессор Петражицкий основательно указывает, что для существования юридического лица вовсе не требуется живого социального организма, обладающего самостоятельной волей, чувствами, желаниями и проч. Это можно выяснить на примере учреждений. Положим, что состоялось постановление правительства об основании университета, что из средств государственной казны отпущены суммы и приобретен участок земли, на котором построено университетское здание.

Отпущенные средства составляют имущество университета, который поэтому является уже правоспособным субъектом, юридическим лицом, хотя в момент его основания в нем нет еще ни ректора, ни профессоров и т. п., — одним словом, он признается юридическим лицом даже тогда, когда не может обладать волей и ни в каком случае не является "живым организмом". Точно так же не имеет значения признак обладания волей и для возникновения частных учреждений, например богадельни: достаточно одного крупного пожертвования или разрешения правительства на основании богадельни, чтобы она получила юридическое бытие. "Ясное дело, что ни от пожертвований, ни от подписи министра, — говорит Петражицкий, — не порождается никакого организма, кроме разве бумажного".

Единственным зерном истины в этой теории является признание того положения, что физическое лицо не является единственно возможным субъектом прав; но в целом изложенное учение не выдерживает критики.

С точки зрения данного выше определения права в субъективном смысле, те затруднения в учении о юридическом лице, которые служат камнем преткновения для разнообразных теорий, — устраняются сами собой. Та внешняя свобода, предоставляемая нормами объективного права, которая, как сказано, составляет содержание права в субъективном смысле, слагается из двух элементов: это, *во-первых*, признанная нормою *независимость лица* от других лиц. *Во-вторых*, это условно предоставленная лицу возможность самоопределения, т. е. возможность что-либо делать, осуществлять те или другие цели. Установить, что следует в каждом данном случае подразумевать под "самоопределением" и под "самоопределяющей волей" лица, — зависит от самой юридической нормы: за волю лица она может счесть не только волю живого индивида в психологическом значении этого слова, но и волю других индивидов — представителей, уполномоченных действовать от имени лица.

Как тот, так и другой элемент правомочия вовсе не составляет исключительной принадлежности живого индивидуального лица: как тот, так и другой может принадлежать и лицам идеальным. Признание независимости лица, ограждение его против посторонних посягательств может быть установлено не только в пользу отдельных *живых* индивидов, но и в пользу всякого субъекта, указанного правовой нормою: в пользу имеющего родиться, ожидаемого человеческого лица, если, например, ему завещано наследство, или в пользу заведомо идеального искусственного лица — товарищества, общества или учреждения. Точно так же и предоставляемая правом лицу условная возможность самоопределения вовсе не предполагает в этом лице реальной психической способности самоопределения.

Субъект прав — вообще не то же, что физически существующее человеческое лицо: если мы станем на эту точку зрения, то всякие затруднения в признании идеальных юридических лиц субъектами права падают сами собой. Субъектами права могут быть признаны соединения людей, как, например, корпорации, ученые и благотворительные общества; наконец, субъектами права могут быть и создаваемые человеком идеальные лица, предназначенные служить каким-либо общественным целям, — учреждения.

Возможность существования идеальных субъектов права обусловлена самой природой правоотношений. *Юридические отношения суть во-обще идеальные отношения между лицами*. Право собственности, например, не есть физическое взаимодействие между лицом и вещью; оттого, что я стал собственником какой-либо вещи, в ней не произойдет никаких физических и химических изменений. Я, наконец, могу быть собствен-

ником вещи, которой я никогда не видел и не осязал, с которой я никогда не приходил в физическое соприкосновение. Право собственности представляет мыслимое, идеальное отношение между мной и прочими лицами, которые должны уважать мое право. То же самое следует сказать и обо всех вообще правоотношениях. Все правоотношения есть идеальные, мыслимые отношения, а не физические; вот почему и субъектами правоотношений могут быть лица идеальные, мыслимые, которых нельзя видеть или осязать. Рядом с индивидуальными, физическими лицами существуют и лица собирательные, которых принято называть лицами юридическими.

Нетрудно убедиться в полезности и необходимости существования таких коллективных лиц. Кроме потребностей, которые могут быть удовлетворены одинокими усилиями отдельных людей, существует много потребностей, личных и общественных, которые могут быть удовлетворены только путем кооперации, соединенными усилиями нескольких или многих лиц.

И вот для осуществления таких целей, превышающих силы отдельных индивидуумов, люди соединяются в союзы, образуют государства, создают акционерные компании, вообще коллективные и искусственные лица, предназначенные служить общим целям. Эти лица наделяются правами, без которых они не могут осуществлять свои цели, и потому приобретают значение юридических лиц.

Условия существования юридического лица

Из сказанного выясняется, в чем заключаются необходимые условия существования юридического лица.

1. Для существования юридического лица необходимо прежде всего существование такой *цели*, которая не может быть достигнута одинокими усилиями отдельного лица и требует для своего осуществления соединенных усилий нескольких людей. Цель эта, кроме того, не должна быть длящаяся, постоянная.

2. Наличие цели есть, таким образом, первое условие для возникновения юридического лица. Другим условием является существование *материального субстрата*, т. е. тех сил, фактических условий, без которых не может быть достигнута цель, ради которой учреждается юридическое лицо. Субстратом юридического лица может быть или имущество, назначенное для определенной цели, или определенные физические лица, или то и другое вместе. Можно представить себе возникновение юридического лица, которое не располагает никаким имуществом и субстрат которого составляют только лица, например благотворительное общество при своем возникновении может не иметь ни копейки денег (деньги могут быть собраны и после возникновения общества). Возможно также возникновение юридического лица без наличности человеческих лиц, входящих в состав его членов. Если правитель-

ство решит основать университет и ассигнует известную сумму на приобретение необходимого имущества, то университет как юридическое лицо будет существовать раньше приема студентов, назначения ректора и профессоров. Нельзя, однако, говорить о существовании юридического лица, не имеющего ни членов, ни имущества. Наличие известного субстрата в виде лиц или имущества, безусловно, необходима для возникновения юридического лица.

3. Наконец, третьим и последним условием существования юридического лица является *юридическое признание*. Положим, имеются все названные уже данные для возникновения юридического лица; есть цель, для которой хотят учредить юридическое лицо, есть необходимое имущество и лица. Но для существования юридического лица этого еще не достаточно. Нужно еще, чтобы данное лицо было признано как таковое каким-либо внешним правовым авторитетом.

С точки зрения узкоофициальной теории права, для бытия юридического лица требуется *признание со стороны подлежащей государственной власти*. Нетрудно убедиться, однако, что это неверно. Прежде всего само государство является юридическим лицом, очевидно, не потому, что оно само себя признает за таковое, а в силу признания со стороны его подданных — того народа, который входит в состав данного государства.

Далее, существует немало обществ, союзов и учреждений, являющихся в сознании широких общественных кругов "субъектами права", но не пользующихся признанием со стороны государства: положим, например, государство не признает за рабочими права союзов; между тем рабочие образуют союзы, кассы взаимопомощи. Такая касса, хотя и не признаваемая государством, будет выступать среди рабочих как особый *субъект права*. Это будет *нелегальное юридическое лицо*. В таком же положении нелегального юридического лица будет, например, молельня или скит какой-нибудь воспрещенной законом религиозной секты.

Не пользуясь признанием государства, такие учреждения, однако, являются субъектами права и, как сказано, юридическими лицами в неофициальном значении этого слова лишь в силу признания со стороны той или другой общественной среды. Права рабочей кассы обуславливаются признанием со стороны рабочих, права скита — признанием раскольничьего общества и т. п.

Для бытия всякого юридического лица, все равно — легального или нелегального, требуется *признание того или другого внешнего правового авторитета*.

Субъектом права при этих условиях является вовсе не непременно живое реальное лицо, а всякий субъект (все равно — реальный или идеальный), коего юридическая норма наделяет правами.

Правоспособность и дееспособность юридических лиц

Юридические лица обладают правоспособностью и дееспособностью в различном объеме, в зависимости от тех целей, которым они служат. Цели юридических лиц бесконечно разнообразны, а потому и содержание прав, которыми они пользуются, разнообразится до бесконечности. Права различных юридических лиц сходны между собой скорее в отрицательных, чем в положительных чертах; юридические лица сходятся между собой скорее в тех правах, которых они не имеют и иметь не могут, чем в тех, которыми они в действительности пользуются. Ясное дело, что юридические лица не могут обладать теми правами, которые связаны с живой человеческой личностью. Так, например, они не могут иметь прав семейственных, супружеских и, вследствие этого, не могут наследовать по закону, так как для этого требуется кровное родство.

Права и обязанности легальных юридических лиц всегда строго и точно ограничены определенной сферой компетенции, которая указывается в их уставе или статуте. Как правоспособность, так и дееспособность этих лиц ограничены строго определенными рамками. Вообще всякое легальное юридическое лицо может совершать только те действия, на которые его уполномочивает устав, утвержденный подлежащей властью. Дееспособность юридических лиц выражается в действиях определенных физических лиц, представителей, действующих от имени юридического лица. Действия таких представителей считаются действиями самого юридического лица. Если, например, ректор университета заключает контракт на поставку дров или на устройство электрического освещения в университетских зданиях, то эти действия ректора считаются действиями самого университета. Утверждая устав юридического лица, правительственная власть всегда определяет те органы, которые компетентны выражать его волю и действовать от его имени. Само собой разумеется, однако, что ни лица, уполномоченные быть представителями юридического лица, ни вообще физические лица, входящие в его состав, не должны быть отождествляемы с самим юридическим лицом. Со смертью государя государство как юридическое лицо не прекращает своего существования. Университет не перестает существовать за выбытием ректора.

Виды юридических лиц

Вследствие крайнего разнообразия целей, преследуемых ими, юридические лица весьма разнообразны как по своему устройству, так и по характеру их деятельности. Из всех существующих классификаций юридических лиц наиболее распространенной является классификация Савиньи. За основание классификации Савиньи принимает субстрат юридических лиц и делит их на основании этого признака на *universitates personarum* и *universitates bonorum*. *Universitates personarum*, или кор-

порации, это те юридические лица, субстратом которых являются лица физические. *Universitates bonorum*, или учреждения, — те юридические лица, субстрат которых составляет имущество, предназначенное для определенной цели.

Подробное рассмотрение существующих классификаций юридических лиц входит в область гражданского права: в курсе энциклопедии мы можем ограничиться рассмотрением той из них, которая исходит из различия целей, преследуемых юридическими лицами. Юридические лица могут преследовать или цели и интересы публичные, общественные, или же частные цели и интересы отдельных физических лиц, входящих в их состав. Сообразно с этим юридические лица делятся на две категории: на юридические лица публично-правовые и частно-правовые.

Начнем с юридических лиц, существующих на началах публичного права. Субстратом таких юридических лиц может быть, во-первых, имущество, предназначенное для какой-либо цели. Примеры таких юридических лиц мы имеем в музеях, публичных библиотеках. Во-вторых, субстрат публично-правового лица могут составлять лица физические, объединившиеся в одно целое. К такого рода юридическим лицам принадлежит церковь, сословия и, наконец, само государство. Существенное отличие юридических лиц, зиждящихся на началах публичного права, состоит в том, что они преследуют цели общественные, публичные. Отсюда вытекает несколько характерных особенностей их. Общественные цели, которым служат юридические лица, отличаются от частных целей отдельных лиц большим постоянством, продолжительностью; они характеризуются также большей независимостью от тех частных лиц, которые входят в состав юридических лиц. Существование юридического лица, имеющего публично-правовой характер, не зависит от воли его членов. Юридическое лицо этого рода не может прекратить свое существование даже в силу единогласного приговора всех его членов. Университет не перестал бы существовать в силу приговора профессоров и университетских властей, потому что он преследует не частные цели этих лиц, а общественные цели народного просвещения.

Иное дело, если юридическое лицо существует на началах частно-правовых (например, банк). Оно преследует частные цели и интересы своих членов, акционеров, пайщиков и, стало быть, может прекратить свое существование по воле этих лиц. Члены таких частно-правовых юридических лиц являются полными их представителями: их воля составляет в полном смысле слова волю юридического лица, имущество юридического лица — их имущество. Отсюда вытекает новое, важное различие между публично-правовыми и частно-правовыми юридическими лицами. Если прекратит свое существование юридическое лицо, основанное на началах публичного права, например университет, то имущество его, как бесхозное, поступает в пользу государства. Если же прекращается юридическое лицо частно-правового порядка, например акционерные компании или промышленное товарищество, то имущество

его поступает в пользу акционеров, пайщиков, вообще физических лиц, входящих в его состав. Остается еще заметить, что юридическое лицо, основанное на началах частно-правовых, может прекратить свое существование не только вследствие постановления всех или большинства его членов, но и иногда за выбытием немногих крупных пайщиков, даже за выбытием одного крупного пайщика, если с уходом его юридическое лицо не обладает достаточными средствами для достижения своей цели.

Объекты права

В неразрывной логической связи с учением о субъекте права находится учение об объекте права. Мы видели, что теория Иеринга и его школы, сводящая содержание права к интересу, влечет за собой неправильное понимание субъекта права. Нетрудно убедиться в том, что эта теория влечет за собой также неверное учение и об объекте права.

По определению профессора Коркунова, объектом права может быть все то, что служит средством для осуществления разграничиваемых правом интересов. После всего того, что было выше сказано нами против теории интересов в отделе о правомочии, определение г. Коркунова не нуждается в подробном опровержении. Укажем только на то обстоятельство, что существует множество объектов права, не связанных с интересами их обладателей и даже находящихся в противоречии с этими интересами. Никому не нужная деловая переписка, старая рукопись, литературное упражнение наследодателя, зараженная оспенным ядом одежда — все эти предметы, очевидно, такие же объекты права, как какое-нибудь доходное имение. Содержание права, как мы знаем, составляет не интерес, а свобода лица, и, соответственно этому, объектом права является все то, что может входить в сферу внешней свободы, что может сделаться предметом человеческого господства. Такими предметами, а следовательно, и объектами права могут быть, во-первых, предметы вещественного мира — вещи; во-вторых, — действия лица и, наконец, в третьих, — само лицо. Прежде всего выясним юридическое понятие вещи.

Вещи

Вещь в смысле юридическом и вещь в смысле физическом — далеко не одно и то же. Вещью в смысле объекта права может быть только то, что доступно господству лица или совокупности лиц, соединившихся вместе. Способность человека подчинять своему господству предметы внешнего мира заключена в определенные границы, вытекающие отчасти из свойств человека, отчасти из природы самих вещей. Все то, что находится вне этих пределов, не может быть объектом прав. Небесные светила не могут быть объектами прав и потому не представляют вещей

в юридическом смысле. Затем объектами права могут быть только те вещи, которые по самой природе своей могут составлять определенную сферу чьего-либо господства. Поэтому не могут быть объектами права те предметы, которых нельзя точно ограничить, изолировать от других, например вода в океане, воздух. Но если только эти предметы каким-либо искусственным способом обособляются, отделяются от других, то они тем самым приобретают способность быть объектами прав и становятся вещами в юридическом смысле (например, вода в водопроводе, сжатый воздух под воздушным колоколом). Вообще вследствие прогресса цивилизации и развития техники многие силы природы, первоначально свободные и независимые от человека, постепенно подчиняются его господству и становятся объектами права. В древности, когда электрическая энергия была известна человеку лишь в виде ниспосылаемой Зевсом молнии, она не могла быть объектом права; теперь же, когда электричеством освещаются дома, улицы, устраиваются электрические трамваи, оно, несомненно, является объектом права, и возникают даже судебные дела о краже электричества.

Некоторые ученые говорят, что объектом права могут быть только вещи, представляющие какую-нибудь ценность. Вещи, никому ни на что не нужные (например, песок на берегу реки, снег, лежащий в поле), согласно весьма распространенной теории, объектами права служить не могут. Если право — то же, что интерес, то приведенное воззрение должно быть признано правильным. Но так как в действительности право и интерес — далеко не одно и то же, то на самом деле может существовать множество таких объектов права, которые не представляют ни для кого интереса, а следовательно, — и ценности. Примеры таких объектов права уже были приведены, а указание на такие якобы никому не нужные предметы, как речной песок или снег, на самом деле только лишний раз доказывает слабость теории интересов. В самом деле, я могу всякому запретить — брать мой речной песок или расчищать снег с моих полей. В этом — явное доказательство того, что вещи эти, хотя, быть может, и не имеющие никакой ценности, составляют объекты моего права.

Наконец, ценность вещи есть величина, в высшей степени изменчивая, а потому представляет шаткий критерий для отличия того, что есть и что не есть объект права: то, что сегодня не имело цены, завтра оказывается ценностью. Вчера, например, мой речной песок не представлял ценности, служил для меня только помехой, и я позволял его брать кому угодно, а сегодня изобретен способ делать из речного песка чрезвычайно твердый и дешевый кирпич, и песок внезапно становится большой ценностью. Точно так же и снег станет ценностью, если я вздумаю воспользоваться им для устройства запруды или в целях орошения моих полей. Право не может знать заранее, какие вещи, не имеющие ценности в настоящее время, приобретут ее впоследствии; поэтому объектами права предметы внешнего мира служат независимо от того, имеют ли они ценность или нет.

Затем приходится указать на одно важное различие между вещью в физическом и юридическом смысле. Вещами в юридическом смысле могут быть и предметы, физически еще не существующие, а только ожидаемые — *res futurae*. Например, урожай будущего года, шерсть, которая будет получена с овец, вообще все, что составляет естественный прирост к существующему имуществу, — может послужить предметом юридических сделок, договоров, стало быть — объектом права. Вещи эти, не будучи еще вещами в физическом смысле, являются вещами в смысле юридическом. Такое различие объясняется тем, что господство человека, а следовательно, и его право простирается не только на настоящее, но и на будущее время. *Под вещами в юридическом смысле следует понимать все предметы внешнего несвободного мира, уже существующие или ожидаемые в будущем, которые могут быть подчинены господству лиц, признаваемых субъектами права.*

Определение это нуждается в разъяснении. Некоторые юристы считают его неполным в виду существования так называемых бестелесных вещей; под бестелесными вещами при этом разумеют такие, которые не имеют обособленного материального бытия, т. е. не существуют как отдельные предметы видимого мира. К числу таких бестелесных вещей профессор Зверев относит некоторые свойства, стороны вещей, не имеющие самостоятельного существования, но обладающие самостоятельной ценностью. Таковы, например, вид на пейзаж, слушание музыки, катание на реке, посещение картинной галереи. Достаточно, однако, вникнуть в эти примеры, чтобы признать понятие бестелесной вещи совершенно несостоятельным. В самом деле, положим, что я взял билет на концерт Гофмана; является вопрос, что служит объектом моего права: зал ли, в котором будет даваться концерт, рояль ли Беккера или игра Гофмана? Очевидно, игра Гофмана: если последний не выйдет, а вышлет вместо себя другого музыканта, то я могу потребовать свои деньги обратно. Следовательно, в таких случаях объектами права являются вовсе не вещи или стороны вещей, а *действия* или самого лица, обладающего правом, или других лиц (в приведенном примере, кроме Гофмана, объектом моего права является еще и *мое действие* — занятие определенного места в зале). Поэтому понятие о бестелесных вещах следует вовсе выключить из правоповедения.

Как сказано, под вещами в юридическом смысле должны быть понимаемы только такие предметы несвободного внешнего мира, которые *всецело могут быть подчинены господству лиц и могут служить в качестве средств его целям*. Современное право признает, что человек, будучи сам лицом, не может быть низведен на степень средства для целей другого лица и, стало быть, не может рассматриваться как вещь в юридическом смысле.

Профессор Зверев ошибочно исключает из числа объектов права *res extra commercium*, т. е. вещи, которые исключаются из гражданского оборота, из сферы торговых сделок: сюда относятся, например, человек

и члены его тела. Человек, как сказано, не является вещью в юридическом смысле и потому действительно не может быть предметом торговых сделок: из этого, однако, не следует, чтобы он не был и не мог быть объектом права, ибо в праве семейственном, как мы увидим ниже, объектами права являются муж, жена и дети.

Тем более неверно утверждение, что труп и члены человеческого тела не могут быть объектами права. В доказательство этого утверждения профессор Зверев ссылается на тот факт, что сделки между анатомическим театром и больным относительно поставки трупа считают недействительными, и родственники могут потребовать труп обратно для погребения. Из этого, однако, видно как раз противное тому, что желает доказать Зверев: родственники именно потому и могут потребовать труп обратно, что он представляет объект их права: труп лишь постольку исключается из гражданского оборота, поскольку он является объектом права определенных лиц. Напротив, при отсутствии близких родственников, заинтересованных в погребении усопшего, труп может быть даже предметом торгового оборота. Доказательства этого можно найти в анатомических театрах и клиниках: здесь можно видеть скелеты и препараты из различных частей человеческого тела, которые имеют определенную ценность и могут быть покупаемы. То же самое справедливо и относительно других *res extra commercium*. Общественные сады, судоходные реки исключаются из торгового оборота потому, что они составляют объект права государства, города или общины; равным образом и священные предметы частными лицами покупаемы быть не могут потому, что они являются объектом права церкви. Словом, *res extra commercium* потому исключаются из гражданского оборота, что составляют объект чьего-либо исключительного права.

Юридическая классификация вещей

Выяснив общее понятие о вещи в юридическом смысле, обратимся к юридической классификации вещей. Она, понятно, не имеет ничего общего с естественнонаучной классификацией их. Последняя разделяет предметы внешнего мира на роды и виды в зависимости от естественных их свойств. В юридической же классификации естественные свойства имеют второстепенное значение и принимаются во внимание лишь постольку, поскольку они влияют на юридическую судьбу вещей, определяют их юридическое положение и значение.

1) С юридической точки зрения вещи разделяются прежде всего на *движимые* и *недвижимые*. Под вещами движимыми обыкновенно разумеются такие, которые по самой своей природе могут быть отделены от земли и передвигаться без повреждения своего существа и назначения. Под вещами недвижимыми подразумевается обыкновенно земля и все то, что неразрывно связано с ней физически и юридически. Так, например, все, что растет на земле, рассматривается как часть земли: растения,

пока они не отделены от земли, рассматриваются как составные ее части. Дома и вообще все возведенные на земле здания рассматриваются как недвижимость, так как они связаны с ней механически, и предполагается, что они не могут быть отделены от нее без повреждения своего существа и назначения. Это, разумеется, нисколько не опровергается тем, что дом может быть разобран, отделен по частям от земли и продан на слом: дом сломанный перестает быть домом: он не может исполнять свое назначение иначе, как в связи с землей, а потому рассматривается как недвижимость. Впрочем, с прогрессом цивилизации само понятие недвижимости начинает подвергаться некоторым колебаниям. Благодаря возможности переносить дома с места на место без всякого "повреждения их существа и назначения", в настоящее время сам вопрос о том, составляет ли дом движимость или недвижимость, становится проблематичным. Во всяком случае, такие дома, которые допускают такое перенесение, уже не могут быть рассматриваемы как вещи недвижимые по природе (*naturaliter immobiles*). Если они признаются недвижимостью, то только в силу постановления законодателя.

От вещей недвижимых по природе (*naturaliter immobiles*) следует отличать вещи юридически недвижимые (*civiliter immobiles*). Юридически недвижимыми вещами являются все вещи, отнесенные сюда законодателем, которые он так или иначе признает связанными с землей. Законодатель может признавать недвижимыми даже такие предметы, которые могут быть свободно отделены от земли: например, рыбу в реке, зверей в лесу.

Разделение вещей на движимые и недвижимые имеет огромное практическое значение. Для недвижимого имущества существуют особые формы для укрепления его за владельцем (купчая крепость); разделение это влияет на право наследства: относительно недвижимого имущества могут быть установлены майораты; напротив, относительно движимого имущества таких распоряжений делать нельзя. Наше законодательство различает имущество *родовое* и *благоприобретенное*, причем понятие родового имущества распространяется только на недвижимое имущество, а движимое имущество родовым быть не может.

2) Далее в юриспруденции различаются вещи *делимые* и *неделимые*. Здесь опять-таки следует различать делимость физическую от делимости в юридическом смысле. Физически все предметы окружающего мира делимы до бесконечности, но с юридической точки зрения неделимы многие вещи, а именно те, которые не разделяются на части без повреждения своего существа и назначения. Стало быть, *неделимыми признаются те вещи, которые при разделении утрачивают существенные для права свойства целого*. Книгу, машину, животное нельзя разделить на части без того, чтобы они не потеряли своего прежнего значения.

Неделимые вещи, в свою очередь, разделяются на *простые* и *сложные*. Сложными вещами называется совокупность многих отдельных вещей, искусственно соединенных между собой в одно целое и рассмат-

риваемых, как единый объект права. Сложные вещи (*universitates rerum*) бывают двух родов: 1) *universitates rerum cohaerentium* и 2) *universitates rerum distantium*. Первые представляют совокупности вещей, соединенных в одно целое механически и технически и вследствие этого соединения утративших индивидуальное, самостоятельное существование, например: дом, часовой механизм, экипаж.

Под *universitates rerum distantium* разумеется такое соединение вещей, при котором отдельные вещи механически вовсе не связаны между собой, так что каждая из них представляет собой физически обособленное целое, но все вместе составляют одно идеальное целое по своему назначению.

Наглядным примером таких вещей может послужить библиотека. Все книги, входящие в состав библиотеки, могут рассматриваться как отдельные вещи, но они связаны идеально общим назначением и поэтому рассматриваются как единая сложная вещь, единый объект права. Будучи разрознены, они не имеют ни той ценности, ни той полезности, какую они имеют в совокупности в качестве библиотеки. Другим примером *universitates rerum distantium* может служить музей, картинная галерея.

3) Не менее важное значение имеет юридическое разделение вещей на *главные* и *побочные*. Из вещей, соединенных механически или идеально в одно целое, те, которые в самих себе имеют свое независимое назначение, называются главными. Те же вещи, которые не имеют самостоятельного назначения, а служат дополнениями к другим, называются побочными. Значение этого деления может быть выяснено на следующем примере: в имении земля имеет значение главной вещи, а сараи, службы, сельскохозяйственные орудия — словом, все те вещи, коих назначение заключается в том, чтобы способствовать эксплуатации земли, являются вещами побочными. В картине главную вещь представляет сама картина, а побочную — рамка. Вообще побочными называются такие вещи, которые по своему назначению занимают подчиненное положение по отношению к другим вещам. Юридическое значение разделения вещей на главные и побочные заключается в том, что *вещь побочная следует за судьбой главной вещи*: если продается главная вещь, то вместе с ней продаются и дополняющие ее побочные вещи; если главная вещь составляет недвижимость, то и побочные вещи, ее дополняющие, рассматриваются как недвижимость, хотя бы по природе своей они, взятые отдельно, могли бы рассматриваться как движимость: так, например, зеркала, вделанные в стену дома, электрические лампочки, прикрепленные к стенам, рассматриваются как части вещи недвижимой — дома.

4) Следующую важную категорию вещей составляют так называемые плоды (*fructus*). Некоторые вещи, могущие служить объектами права, обладают способностью производить другие вещи, также могущие служить объектами права. *Объекты права, происходящие, таким образом, от других объектов права, называются плодами*. Понятие плода в юридическом смысле шире, нежели понятие плода в физическом смысле.

Под плодом в смысле юридическом разумеют не только произведения мира животного или растительного, но и вообще всякие продукты других вещей, хотя бы между вещью производящей и произведенной не было никакой органической связи. Наряду с плодами естественными право знает и *плоды гражданские*, под которыми разумеются доходы, извлекаемые из вещей, например квартирная плата, получаемая домовладельцем, аренда и т. п. Впрочем, плодами считаются только такие предметы, которые могут быть отделены от вещи, их произведшей, *без уничтожения и без повреждения последней*: например, мясо и кожа животного не будут плодом животного. Плодами могут считаться только те вещи, которые могут существовать обособленно от произведшей их вещи, как самостоятельные объекты права. Плод только тогда рассматривается как самостоятельная вещь, когда он вполне отделен от вещи, его произведшей; пока плоды не отделены, они рассматриваются как составные части других вещей; например, хлеб на корню рассматривается как составная часть земли.

5) Наконец, вещи делятся на *индивидуальные и родовые*. Индивидуальными вещами называются такие, коих юридическое значение обусловливается их особыми, чисто индивидуальными свойствами, которые в других вещах не встречаются и делают эти вещи незаменимыми. Например, к числу индивидуальных вещей принадлежат картины Рафаэля, рукопись Пушкина, ботик Петра Великого. Напротив, существуют вещи, юридическое значение которых обусловливается родовыми признаками, общими у них с другими вещами. Такие вещи измеряются мерой и весом. Значение, например, куска хлеба определяется родовыми признаками, и всякий такой кусок может быть заменен другим такого же качества и веса. Такое деление влияет на положение вещей в гражданском обороте. Индивидуальные вещи вообще незаменимы. Поэтому, например, занять картину Рафаэля бессмысленно, так как соответственной ценностью ее заменить нельзя. Я могу, конечно, взять какую-нибудь статую напрокат. Но это будет уже не заем, а наем. Напротив, родовые вещи могут быть заменены другими однородными, а также могут быть предметами займа.

Действия

Уже раньше было сказано, что объектами права могут служить как действия другого лица, так и действия самого управомоченного субъекта. Ренненкампф и Зверев упускают это из виду и считают объектами права только действия и услуги других лиц. Нетрудно, однако, убедиться в том, что бывают случаи, когда объектами права служат действия самого лица управомоченного. Это можно наблюдать, например, в правах политических и в правах, вытекающих из дееспособности субъекта. Если я имею право выбирать представителей в Думу, земское собрание, то очевидно, что объектом моего права является не действие какого-либо

другого лица, а мое собственное. Если я совершаю юридические акты, подписываю векселя, заседаю в суде в качестве сословного представителя, подписываю завещание, то я, очевидно, не получаю никакой услуги от других лиц, и, следовательно, объектом права в перечисленных случаях служит не что иное, как действие самого лица, возможность распорядиться его собственными силами. Предметом моего господства, а следовательно, и объектом права могут быть не только чужие, но и собственные мои действия.

Действия других лиц являются объектами права, потому что человек по природе своей существо общественное, не могущее обходиться без услуг других лиц. В прежнее время, при существовании рабства, одно лицо находилось в обладании другого; одна сторона получала со стороны другой услуги, не неся соответствующих обязанностей, другая же несла обязанности, но не имела прав. Право современных цивилизованных государств не допускает такого полного подчинения одного лица другому; оно основано на принципе взаимности *do, ut des*. Поэтому объектами права в настоящее время могут быть только такие действия других лиц, которые совместимы с их свободой.

Этим определяются те требования, коим должны соответствовать действия, могущие быть объектами права. Объектами права могут служить только действия, строго определенные, имеющие ясно очерченные границы. Если бы мои требования по отношению к ближнему не имели никаких границ, это было бы равнозначно полному его порабощению. Я могу требовать от него только точно определенных услуг взамен столь же точно определенных услуг с моей стороны (например, определенной работы за определенное вознаграждение). Затем, не всякие проявления чужой воли могут быть объектами права, а только те, которые могут получить определенное, точное выражение во внешних действиях; чувства ближнего, например его любовь и благодарность, не могут быть объектами права, так как они не поддаются измерению, не могут быть выражены в определенной величине.

Само собой разумеется, что объектами права могут быть только действия, физически выполнимые, т. е. такие только действия, коих возможность не исключается законами природы. Наконец, чтобы быть объектом права, действие не должно противоречить нормам действующего права. Очевидно, что никакое право в мире не признает договора, в силу которого одна сторона по требованию другой должна совершить преступление.

Лица как объекты права

Наряду с вещами и действиями, объектами права являются и лица. Современное право, разумеется, не допускает такого господства, при котором одно лицо низводится на степень вещи и средства для целей другого лица. Современное право мирится только с таким господством

одного лица над другим, при котором сохраняется свобода обоих. Такое господство мы находим, например, в семейных отношениях. В семейных отношениях жена является объектом права мужа, и наоборот: муж является объектом права жены.

Нельзя сказать, чтобы в семейных отношениях объектом права служило только то или другое действие одного лица в пользу другого. Права супружеские простираются на такие стороны жизни, которые не могут быть отделены от личности, а потому объектами права в данном случае служат сами лица, а не их действия. То же самое верно и по отношению к детям. Права отца и матери простираются на саму личность детей, равно как и право детей — на личность родителей. Такое господство одного лица над другим является взаимным, не исключает личной свободы, а потому оно и допускается современным правом. Здесь ни одно лицо не служит только объектом права другого, но одновременно является и объектом, и субъектом права. Если муж имеет право исключительного обладания своей женой, то и наоборот, жена пользуется таким же правом относительно своего мужа: этого права не может уже иметь никакая другая женщина. Если родители имеют право на повиновение детей, то последние имеют право на соответственные действия родителей, которые обязаны содержать и воспитывать их. Разумеется, свобода лица в семейных отношениях совместима только с моногамической формой брака, почему моногамия и есть единственная форма брака, признаваемая современным правом. Если муж обладает исключительным правом на жену, то свобода ее этим не уничтожается, ибо и она имеет такое же исключительное право на своего мужа. Между тем в тех странах, где господствует полигамия, только муж пользуется правом исключительного обладания женой, а положение жены относительно мужа такого характера не имеет. При полигамии нет взаимности в господстве: господство является односторонним, вследствие чего полигамическая форма брака влечет за собой рабское, приниженное положение женщины.

Юридические факты

Права находятся в состоянии непрерывного движения; они возникают, переходят от одних лиц к другим, непрестанно изменяют свой вид. Все это происходит под влиянием юридических фактов. Что же такое юридический факт? Обыкновенно под именем юридического факта разумеется всякое событие, за которым признается способность устанавливать или прекращать права. Это определение, однако, страдает неточностью. Право может изменяться не только вследствие мимолетных событий, но и под влиянием длящихся состояний. Право, конечно, может измениться вследствие такого мимолетного события, как смерть: но оно может измениться и вследствие таких длящихся состояний, как чье-либо десятилетнее давностное владение или пятилетнее безвестное отсутствие.

Поэтому под юридическими фактами надо разумеать все состояния и события действительности, которым свойственно устанавливать и пре-
ращать права.

Наступление юридического факта всегда вызывает применение определенной нормы объективного права. Положим, я достиг гражданского совершеннолетия; это — факт, который тотчас вызывает применение ко мне норм, устанавливающих права и обязанности, связанные с совершеннолетием: с одной стороны, он устанавливает мою дееспособность, с другой — возлагает на меня обязанность отбыть воинскую повинность. Точно так же и смерть относится к числу юридических фактов; последствием смерти является применение нормы объективного права, определяющей права наследников. Обыкновенно применение юридической нормы зависит не от одного только факта, а от множества фактических условий. Так, например, для применения норм наследственного права недостаточно, чтобы наследодатель умер: надо, чтобы смерть его была засвидетельствована официально. Недостаточно также, чтобы было сделано завещание, скрепленное подписью наследодателя: необходимо, чтобы завещание было составлено в здравом уме и в твердой памяти. Обыкновенно применение правовой нормы зависит не от одного факта, а от целой совокупности фактических предположений.

Юридические факты делятся на зависящие и независящие от человеческой воли. Те и другие могут быть согласны или не согласны с правом. Стихийные силы природы не могут совершать правонарушений, но могут производить так называемое *неправомерное состояние*, т. е. создавать положение вещей, противоречащее праву. Положим, например, что находящаяся на моей земле гора вследствие таяния снега ежегодно сползает и угрожает завалить усадьбу моего соседа. В данном случае мы имеем дело с неправомерным состоянием, т. е. с таким положением вещей, которое противоречит праву соседа. Сосед поэтому получает право требовать от меня принятия мер для предотвращения грозящей опасности (например, устройства дренажа); если же я не приму никаких мер и обвал произойдет, то сосед мой имеет право искать с меня причиненные ему убытки. Другой пример: разлившаяся река унесла мой лес и выбросила его на берег соседа; здесь опять-таки возникает неправомерное состояние, и я могу требовать от соседа возвращения принадлежащего мне леса.

Другая категория фактов, не зависящих от человека, не противоречит праву, не порождает неправомерного состояния, но вызывает возникновение права. К числу таких фактов принадлежит, например, смерть, которая вызывает возникновение прав наследников умершего, пожар в застрахованном здании, вызывающий возникновение права на получение страховой премии.

Факты, зависящие от воли людей, или *действия*, разделяются на *положительные* и *отрицательные*. Сущность вторых заключается в воздержании от действия. Я могу приобрести или утратить право посред-

ством совершения того или другого положительного действия; но я могу утратить право еще и вследствие несовершения действия, необходимого для сохранения права. Например, просрочив вексель, я могу утратить право на получение долга; я могу потерять право на обмен старых кредитных бумажек на новые, если пропущу установленный для того срок. Юридическим фактом в этих случаях является несовершение действия, необходимого для сохранения права. Если я в течение известного срока не препятствую другому лицу распоряжаться моим имуществом как его собственностью, то это лицо приобретает право собственности на мое имущество посредством давностного владения, тогда как я теряю свое право в силу воздержания от действий, необходимых для сохранения права.

Юридические факты, зависящие от человеческой воли, разделяются на *правомерные* и *неправомерные*. Неправомерные действия, правонарушения создают ряд новых прав — притязаний со стороны лица, коего право нарушено; лицо это может требовать восстановления нарушенного права, вознаграждения за причиненные убытки, наказания виновного. Правонарушение может выражаться как в действии положительном, так и в отрицательном действии, т. е. в воздержании от действий; примером правонарушений последнего рода могут послужить: отказ от правосудия, непринятие железнодорожным начальником требуемых мер предосторожности, вследствие чего произошло несчастье с людьми, порча товаров и т. п.

Правомерные положительные действия людей бывают опять-таки двух родов. Если эти действия носят частный характер, то они суть юридические акты. Если же действие совершено должностным лицом по делу службы и направлено к осуществлению публично-правовых целей, то это будет *распоряжение*. Юридические акты могут быть односторонними или двусторонними: односторонние акты выражают волю одного лица (завещание, дарение), а двусторонние служат проявлением двух или более воли (купля, договор).

Для совершения юридических актов закон устанавливает определенный способ, причем соблюдение этого способа во всех случаях дает возможность удостовериться в действительности совершения актов. Но в иных случаях соблюдение законом установленной формы не обязательно; в других случаях соблюдение формы необходимо и обязательно, и несоблюдение ее делает ничтожным весь акт. Договор о найме, например, может быть заключен и в устной и в письменной форме, напротив, покупка недвижимого имущества должна быть засвидетельствована в письменной форме, установленной законом, именно в форме купчей крепости, и при несоблюдении этого условия покупка недействительна.

Юридические действия могут быть совершаемы как самими заинтересованными лицами, так и их представителями. Представительство в одних случаях является *добровольным*, в других — *необходимым*. Если лицо дееспособное, которое само может совершать юридические действия, упол-

номочивает на совершение их другое лицо вместо себя, то такое представительство будет добровольным. Но дети и сумасшедшие в силу необходимости осуществляют свои права не иначе, как через представителей, ибо сами они дееспособностью не обладают. В этом случае представительство является необходимым. Равным образом и юридические лица осуществлять свои права могут только через представителей, почему и здесь представительство носит характер необходимости.

Классификации юридических отношений. Право частное и публичное

Мы познакомились с природой юридических отношений, с их составными элементами, с теми фактами, от которых зависит вообще изменение, прекращение и возникновение частных прав; чтобы закончить отдел о праве в субъективном смысле, остается изложить учение о классификации юридических отношений. Все вообще юридические отношения делятся на частные и публичные: такая классификация в настоящее время является общепринятой. Но вопрос об основании такого деления, о тех признаках, по которым можно отличить право публичное от право частного, остается спорным и до наших дней. Самым распространенным учением остается то, которое было сформулировано еще Кантом,⁴² а затем в несколько измененном виде было изложено Пухтой. По мнению Пухты, каждое данное право должно рассматриваться как частное или публичное в зависимости от того, принадлежит ли оно лицу как индивидууму или как члену организованного общества; в первом случае мы имеем дело с правом частным, во втором — с правом публичным: например, мое право собственности принадлежит мне как индивидууму — это частное право; а мое право участвовать в дворянских выборах принадлежит мне как члену дворянского сословия — это публичное право; точно так же публичным является, например, право француза или англичанина выбирать представителей в парламент, так как оно принадлежит ему как гражданину конституционного государства; в обоих названных случаях лицо обладает правом как член известного общественного целого. Напротив, в сфере частного права лицо действует по собственному праву, а не по праву какого-нибудь общественного целого.

Однако такое объяснение Пухты вызывает существенные возражения. Как уже неоднократно было выше сказано, не существует вообще прав, которые принадлежали бы лицу как изолированному индивидууму; все права, в том числе и частные, принадлежат лицу по отношению к другим лицам, по отношению к обществу. В изолированном состоянии человек не имеет вообще никаких прав; поэтому нельзя говорить о частном праве, что оно принадлежит человеку как изолированному индивидууму. Далее, учение Пухты неосновательно еще и потому, что

носителем частных прав может быть не только отдельный человек, но и общество и государство; когда, например, государство заключает с каким-нибудь подрядчиком договор о поставке сухарей в армию или заказывает частному заводу пушки, то здесь мы имеем, несомненно, частно-правовое отношение, и государство является здесь по отношению к заводчику и подрядчику субъектом частного права, несмотря на то, что оно действует по праву целого. Значит, деление прав на частные и публичные не зависит от того, кто является их субъектом.

В противоположность мнению Канта и Пухты, Савиньи и Шталь видят основание этого деления прав в различии целей, которым служит то или иное право: если целью права является то или другое социальное целое (сословие, народ, государство), то такое право должно быть, по мнению Савиньи, признано правом публичным; если же целью права является индивидуум, то это — право частное. В праве государственном, которое является частью права публичного, государство есть цель — здесь человек играет второстепенную роль по отношению к государственному целому; в праве частном, наоборот, индивидуум есть цель, а государство — средство. В этом, по Савиньи, и заключается различие между правом публичным и правом частным.

Это учение при ближайшем рассмотрении также оказывается несостоятельным: можно указать много случаев, где цель правомочия является целью общественной, а правомочие тем не менее носит характер частного права; например, общество железных дорог, несомненно, преследует публичные цели; однако оно ради этих целей вступает в целый ряд частно-правовых отношений (например, с подрядчиками, рабочими и т. п.). Наконец, эта теория Савиньи, как и теория Пухты, не объясняет нам, каким образом государство может быть субъектом частного права: когда государство заказывает пушки, то мы имеем дело с общественной целью — удачное исполнение заказа может иметь влияние на судьбы целой армии; однако, несмотря на общественный характер цели, мы имеем здесь случай частно-правового отношения государства к пушечному заводу. Значит, частное право отличается от публичного не по цели, которой служит то или иное право; мы должны поэтому искать других оснований для данного деления.

Единственным основанием для деления прав на частные и публичные является характер самого правоотношения между отдельным лицом и тем или другим социальным целым. Всякое право, будь то частное или публичное право, заключает в себе отношение какого-нибудь лица не только к другим лицам, но и к социальному целому, общественному или государственному организму: например, мое частное право на дом заключает в себе не только притязание, обращенное ко всем людям, чтобы они не нарушали моего права, но также и требование, чтобы определенное государство охраняло мою собственность. В зависимости от того, каково отношение лица к социальному целому в каждом конкретном случае, право будет частным или публичным. Для существова-

ния всякого общественного организма, в частности государства, требуется, чтобы целое господствовало над частью, чтобы общество господствовало над личностью. Где нет такого господства, с одной стороны, и подчинения — с другой, там не будет ни права, ни организованного общества, а будет анархия. Но подчинение лица государству должно иметь известные границы: лицо должно подчиняться государству лишь постольку, поскольку это необходимо для осуществления целей социального организма, для его существования и процветания. Безграничное господство государства над личностью равнялось бы полному рабству индивидуума, а такое бесправие вовсе не нужно для целей общества: господство государства над личностью не простирается на все стороны существования личности, а только на некоторые ее стороны — у всякого свободного лица есть сфера, где оно является независимым. Те права, где индивидуальное лицо является самостоятельным субъектом права, есть права частные, а те права, где отдельное лицо фигурирует как подчиненная часть социального целого, — права публичные.

При таком толковании те затруднения, с которыми сталкиваются учения Пухты, Савиньи и Штала, не представляются непреодолимыми. Это объяснение делает понятным, почему государство может быть субъектом частного права: до известных пределов государство господствует над личностью и имуществом каждого из нас — все мы должны отбыть воинскую повинность, платить подати и т. д., — здесь государство осуществляет свое публичное право, а мы осуществляем наши публично-правовые обязанности. Но это право государства не простирается ни на всю нашу личность, ни на все наше имущество. Для осуществления публичных целей государства вовсе не требуется, чтобы отдельное лицо отдавало ему весь свой труд, все свое имущество: для этих целей не требуется, например, чтобы подрядчики ставили даром сухари для армии, заводы отливали даром пушки и т. д. В известных пределах отдельные лица являются полными хозяевами своего имущества и своего труда. Все граждане одинаково обязаны отбывать повинность и платить налоги в пользу государства; если же государство потребует от известных лиц, например от подрядчика или владельца пушечного завода, каких-либо услуг сверх того, что они обязаны делать для него как подданные, то оно должно за это платить; а заплатить — значит признать, что в данном случае и подрядчик, и владелец пушечного завода являются по отношению к государству вполне самостоятельными субъектами прав, которые могут отдать или не отдать ему свой труд и свое имущество, могут оказать или не оказать ему известные услуги. Здесь государство не совершает акта господства над лицом, а договаривается с ним. А где государство вступает в договор с лицом, пользуется его услугами, оказывая ему взамен того равноценные услуги, там и само государство фигурирует как субъект частного права.

Каковы же вообще пределы господства государства над личностью? Эти пределы не представляют неподвижной величины: в процессе ис-

торического развития они беспрестанно изменяются; поэтому многие отношения, являющиеся в данную эпоху отношениями частно-правовыми, могут впоследствии приобрести публично-правовой характер, и наоборот. Сфера частного права в Древней Греции была несравненно уже, чем в наше время: так, спартанский гражданин не мог продать принадлежащего ему участка земли, так как земля считалась собственностью государства, а граждане считались только пользователями, причем за это пользование они платили государству обязательной службой. Наоборот, в Средние века сфера частного права была несравненно шире, чем в наши дни: само территориальное верховенство феодала смешивалось с его частными владельческими правами на землю: в Средние века сами отношения монарха-сюзерена к его вассалам принимали форму частного договора: он покупал их службу, раздавая им земельные угодья. Словом, границы частного и публичного права в действительности беспрестанно изменяются. В истории одни эпохи характеризуются преобладанием начала индивидуальной свободы, другие же, напротив того, характеризуются преобладанием целого над частью, стеснением индивидуальной свободы в пользу общества; соответственно с этим публичное право то совершает захваты из области частного права, то наоборот. Чтобы различать в каждом данном случае, что относится к той и к другой области, следует помнить, что частное правоотношение есть то, где частное лицо фигурирует как самостоятельный субъект права; публичное правоотношение, напротив, есть то, где частное лицо фигурирует лишь как подчиненная часть социального целого. Из этого определения нетрудно вывести все вообще особенности как частного, так и публичного права.

В области частно-правовых отношений частное лицо является самостоятельным распорядителем своего права. Будучи субъектом частного права, я свободен пользоваться моими правами или нет, сохранять их за собой или передавать другому лицу. Вообще нормы частно-правового характера не дают указаний, как индивидуум должен пользоваться предоставленными ему правами, а лишь полагают ему известные пределы, причем в этих пределах отдельное лицо вполне самостоятельно. Положим, я владею домом. Конечно, государство кладет определенные границы моему господству над домом: я обязан платить казенные и городские налоги, не должен нарушать строительного устава; я должен принимать предохранительные меры против пожара, соблюдать известные гигиенические условия. Здесь мое частное право ограничено определенными нормами; но в очерченных этими нормами пределах я являюсь совершенно самостоятельным и независимым субъектом права. Право не определяет, должен ли я жить сам в своем доме, или отдавать внайм, или, наконец, пожертвовать его на какое-нибудь благотворительное учреждение. В сфере частно-правовых отношений главная функция правовых норм заключается в обеспечении лицу мирного пользования известной сферой внешней свободы.

Совсем иное положение занимает частное лицо в публичном праве: тут оно не является самостоятельным распорядителем своего права. Юридические нормы определяют саму цель, которой должны служить публичные права, а цель эта — всегда общественная, публичная. Я не могу отказать другому или уступить сословных прав, например прав дворянства, потому что мое дворянское звание не составляет частного достояния оно принадлежит мне как члену дворянского сословия. Точно так же губернатор не может передать своей губернаторской власти кому-либо другому, потому что его право не есть частное достояние. Цель, которой служит частное правомочие, зависит от доброй воли самого лица — правообладателя, тогда как цель правомочия публичного заключается в выполнении лицом известных общественных обязанностей. Потому нормы публичного права точно определяют, как лицо должно пользоваться своими правами, причем оно не может ими не пользоваться; губернатор, например, не может не пользоваться своим правом управлять губернией; ротный командир не может не пользоваться своим правом командовать ротой; профессор не может не пользоваться своим правом читать лекции. Обязанность пользоваться правами присуща большей части публичных прав, тогда как по отношению к частному праву такой обязанности не существует.

Из самого существа публичного права вытекает, что субъектами всякого публичного правомочия являются непременно два лица — тот или другой индивидуальный носитель правомочия и то социальное целое, в права коего облекается индивид. В каждом публичном правомочии субъектом непременно является, во-первых, та или другая общественная группа, во-вторых, индивид, через которого социальное целое осуществляет свои права. Когда я пользуюсь моим правом избирать дворянского предводителя, субъектом права являюсь не только я сам, но и дворянское сословие в моем лице; когда я заседаю в суде в качестве присяжного заседателя, государство в моем лице творит правосудие. В праве частном такое раздвоение субъектов права так же возможно, но и необходимо. В праве частном физическое лицо также может действовать через представителя (например, через поверенного), но оно может действовать и по собственному праву, тогда как в праве публичном физическое лицо всегда является выразителем права социального целого.

Из сказанного выше вытекают некоторые особенности публично-правовых институтов по сравнению с часто-правовыми. Так, с точки зрения вышензложенного определения легко объяснить, почему в публичном праве закон имеет обратное действие, а в праве гражданском оно его не имеет. В публичном праве отдельное лицо не является самостоятельным субъектом права: за ним стоит общество, государство, по праву которого действует лицо; вот почему государство всегда может упразднить публичное правомочие всякого входящего в его состав лица. Напротив, в гражданском праве лицо фигурирует как самостоятельный субъект права: частное правомочие составляет ту границу, предел, за

которую не должно простирается господство государства; вот почему в гражданском праве новый закон не поражает прав, приобретенных при старом законе, т. е. не имеет обратного действия. Другая особенность публичного права заключается в том особом положении, которое занимают юридические лица публично-правового порядка. Юридические лица публично-правового порядка, в отличие от юридических лиц частного правового порядка, не могут прекратить существования по воле их физических представителей. Университет, например, не может прекратить своего существования в силу даже единогласного приговора профессоров и университетских властей, потому что последние служат выразителями не своего частного права, а права государства, которое поручило им управление делами университета и преподавание в нем.

Другой пример, на котором можно наглядно высветить различие между публичным и частным правом, это — различие в положении сторон в гражданском и уголовном процессе. В гражданском процессе идет спор о частном праве. Положим, я начинаю иск о спорном участке земли или требую от соседа вознаграждения за вред, причиненный им моим владениям. Тут спор идет только о моем частном праве, причем общественный интерес в нем вовсе не замешан: для общества совершенно безразлично, буду ли я или не буду искать с соседа убытки, прощу его или не прощу. Это — мое частное дело и мое частное право, относительно коего я являюсь вполне самостоятельным субъектом. Вообще во всяких спорах о частном праве частные лица, стороны, играют в высокой степени самостоятельную роль: от них зависит начать процесс или прекратить его в любой его стадии. Иное положение занимают стороны в процессе уголовном. Тут, кроме обвиняемого и потерпевшего, выступает на сцену отличный от них субъект права — общество, безопасности которого угрожает злая воля преступника, посягающего против порядка, установленного общественным авторитетом. Общество не может оставаться равнодушным к факту уголовного преступления. Прощу ли я или не прощу человеку, посягнувшему на мою жизнь или причинившему мне увечья, — обществу до этого нет дела: оно не может допустить, чтобы безнаказанно совершались преступления, — иначе воцарится анархия и наступит конец обществу. В уголовном деле необходимо присутствует публично-правовой элемент — общественный интерес, тогда как в гражданском процессе этот интерес отсутствует: вот почему стороны не могут играть в нем той самостоятельной роли, которая составляет особенность процесса гражданского. Уголовные дела, правда, могут начинаться и по жалобе потерпевшего лица, но они могут начаться и без всякой жалобы, по инициативе уполномоченных на то органов власти. Раз начат уголовный процесс, он уже не может прекратиться вследствие примирения сторон.

Общество

Рассматривая право в объективном и субъективном смысле, мы видели, что право есть общественное явление, не могущее осуществляться вне общества, что общество немислимо без права, как и право немислимо без общества. Рассматривая позитивное право как порядок, установленный общественным авторитетом, мы должны были ввести понятие общества в само определение права. Весьма распространенное воззрение, представителями которого являются в Англии — Герберт Спенсер,⁴³ а в Германии — Лилиенфельд,⁴⁴ рассматривает общество как организм.

Некоторые из новейших сторонников этого учения считают его весьма новым. Впрочем, так думают не одни его сторонники: профессор Коркунов, например, который полемизирует против органической теории, полагает, что она возникла не ранее конца XVIII столетия. Однако такое мнение ошибочно, потому что органическое воззрение на общество не было чуждо и древним. Еще Аристотель сравнивал государство с живым телом и на этом основании отрицал возможность существования человека как существа изолированного. Как руки и ноги, отнятые от человеческого тела, не могут вести самостоятельного существования, так и человек не может существовать вне государства. Наконец, самому профессору Коркунову известно, что Платон уподобляет общество человеческому телу в своем диалоге "Государство". Сравнение государства с организмом напрашивается само собой, а потому в древности оно было в обращении не только среди философов: известно, что патриций Менений Агриппа⁴⁵ воспользовался этим сравнением, чтобы убедить плебеев возвратиться в Рим, когда они, возмущенные поведением децемвиров, удалились на Священную гору. В древних христианских произведениях, начиная с Посланий апостола Павла, беспрестанно встречается сравнение церкви с телом: глава церкви — Христос, а верующие — члены церкви — тела Христовы. Древним хорошо было известно, что между отдельными членами существует разделение труда, как и между органами тела. Профессор Коркунов находит, что все эти сравнения чрезвычайно далеки от органической теории в том смысле, как она понимается ныне. В действительности, однако, древние не знали только терминов "организм", "органический" в том смысле, как они употребляются теперь; но они сравнивали общество с живым телом, и за этим сравнением скрывается воззрение, в существенных чертах сходное с тем, которое высказывается новейшими сторонниками органической теории.

Как теперь, так и в древности те, кто сравнивал общество с "живым телом" или организмом, хотели этим сказать, что как члены живого организма по природе связаны в одно целое и вне единства этого живого целого существовать не могут, так и человек по природе составляет часть живого целого высшего порядка — общественного тела или организма: человек, отрешенный от всяких общественных связей, так же немислим, как рука или нога, отсеченная от тела, — в этом заключается

тот элемент органического воззрения на общество, который был известен уже древним.

В истории философии органическому воззрению на общество противопоставлялось *механическое* воззрение. Которое из двух воззрений древнее, решить трудно. Не подлежит сомнению тот факт, что уже софисты, против которых полемизировал Сократ, были сторонниками чисто механического воззрения; Сократ же противопоставлял им воззрение органическое. А именно софисты учили, что общество — искусственное создание, произвольное установление людей. Первоначально люди жили разрозненно, впоследствии же, ввиду невыгод такого изолированного состояния, они вошли в соглашение между собой, образовали общество и государство, создали законы и власть. Словом, софисты понимали общество как искусственный механизм, созданный человеком: с их точки зрения, человек так же возможен в изолированном, как и в общественном состоянии.

Такого же механического воззрения придерживался Эпикур,⁴⁶ так же понимали общество и многие мыслители Нового времени. Ряд теоретиков естественного права XVII и XVIII века придерживались того мнения, что общественному состоянию человечества исторически предшествовало состояние *естественное*, когда люди жили разрозненно; общество и государство были искусственно созданы людьми посредством общественного договора: осознавши в определенный момент невыгоды изолированного естественного состояния, люди согласились выйти из него — составили общество, установили власти, создали весь юридический порядок.

В XVII и XVIII столетиях господство такого воззрения на происхождение общества было тесно связано с верой во всемогущество человеческого разума, в его творческую способность. Старым теоретикам естественной школы вообще чужда была идея преемственной связи поколений. Они верили, что человечество может совершенно отрешиться от всех исторически сложившихся преданий. Общество, как механически скрепленное здание, может быть разрушено до основания, разобрано на части и затем вновь построено в любом стиле.

Как только в начале XIX века возникает реакция новейшего историзма против рационализма старой естественной школы, на смену механическому пониманию общества является органическое воззрение. В начале XIX столетия целый ряд противников естественной школы — богословствующие юристы, реакционеры всех возможных оттенков и, наконец, корифеи исторической школы сходятся в одном общем положении, что общество не есть искусственное создание людей. Не общество есть продукт свободного творчества человека, а, наоборот, человек есть продукт исторически сложившихся общественных условий, определенной исторической среды, часть социального организма, подчиненная законам целого. В настоящее время чисто механическое воззрение на общество, можно сказать, окончательно сошло со сцены. Этому спо-

собствовали, с одной стороны, успехи новейшей исторической науки, а с другой стороны — новейшие психологические исследования.

Исторические исследования XIX века неопровержимо доказали, что общественный строй не есть продукт свободного творчества человеческого разума, а представляет результат необходимого закономерного развития человечества. Развитие человеческого общества так же, как и развитие животного организма, подчиняется необходимым законам, коих не властна уничтожить или изменить человеческая воля. Культурная работа каждого нового поколения составляет необходимое продолжение культурной работы предшествующих поколений. Между отдельными поколениями существует теснейшая связь исторического преемства. Сами потрясения и революции составляют необходимый результат предшествовавшего исторического развития. Словом, исторические исследования показали, что как между современниками, так и между сменяющимися друг друга поколениями существует тесная *органическая связь*.

К тому же результату привело изучение психологии. В XVII и XVIII веках в психологии боролись две одинаково несовершенные теории — эмпириков и нативистов. Нативисты утверждали, что в душе человека есть определенный запас врожденных идей. Эмпирики, напротив того, учили, что не существует никаких врожденных идей, что душа человека в момент рождения представляет *tabula rasa* — белый лист, который может быть заполнен каким угодно содержанием. В борьбе друг с другом оба эти воззрения постепенно видоизменялись и совершенствовались, но эти частные изменения не устранили основных заблуждений того и другого.

На самом деле одинаково неверно утверждение эмпириков, что в нашей душе нет ничего врожденного, и мнение нативистов старой школы, будто запас врожденных идей в душе человека представляется от века неизменным. Новейшие психологические исследования доказали существование закона наследственности в области духа: психическая деятельность каждого человека, как и каждого животного индивида, является продолжением психической деятельности ряда предшествовавших поколений. Мы наследуем от наших предков не только анатомическую структуру их тела и физиологическую их организацию, но также и психологические особенности, ибо психическая сторона нашего существа находится в теснейшей связи с его физиологическим строением. Психологические наблюдения установили тот факт, что у каждого человека и животного есть целый ряд представлений и инстинктов, унаследованных от предков. Тот инстинктивный страх, который испытывает цыпленок, впервые увидевший коршуна, не есть результат индивидуального опыта, а результат опыта предшествующих поколений, установившего неразрывную ассоциацию между представлением большой птицы и представлением угрожающей опасности. Как у животного, так и у человека существует множество таких представлений — инстинктов, а следовательно, в чем совершенно правы нативисты, — существуют врож-

денные идеи. Ошибка же нативистов заключалась только в том, что они этот запас врожденных идей представляли себе в виде постоянной и неизменной величины. На самом деле — как психическая жизнь индивидов, так и психическая жизнь целого рода есть величина изменяющаяся, постоянно прогрессирующая, а потому и та сумма представлений, которую отдельный индивид наследует от своих предков, от рода, есть величина изменчивая, прогрессирующая.

Таким образом, психологические наблюдения привели к тому же результату, что и исторические исследования — к признанию существования тесной связи между индивидуальной жизнью отдельной особи и коллективной жизнью рода, к признанию той истины, что индивидуальная жизнь отдельного человека находится в самой тесной связи с коллективной жизнью целого рода, иначе говоря, что человек является членом общественного организма. Признавая полную справедливость этого вывода, нужно, однако, всегда помнить, что социальный организм есть организм *sui generis*, коренным образом отличающийся от организмов в биологическом смысле. Говоря об обществе как организме, следует прежде всего выяснить, в чем состоит основное различие между общественным организмом и организмом порядка биологического. Это упускается из виду многими из социологов и государствоведов текущего столетия: увлечение сходством между организмами обоих порядков нередко переходит в преувеличение, результатом чего является смешение понятий биологических и социологических. В частности, этого недостатка не избег и Герберт Спенсер; параллели, проводимые им между обществом и организмом, большей частью чрезвычайно остроумны, но в конце концов и он впадает в преувеличение, говоря об "общности основных принципов организации" между двумя видами организмов.

Мы не станем входить в подобное изложение и разбор всех этих аналогий, проводимых Спенсером, Лилиенфельдом и другими современными социологами, и ограничимся указанием основных различий между законами жизни организмов обоих порядков. Сам Спенсер указывает на такие важные отличия, которые способны ниспровергнуть его мнение об "общности основных принципов организации". Одно из главных отличий социального организма от биологического заключается, бесспорно, в том, что Спенсер называет "дискретностью" частей социального организма. Все части животного организма непосредственно, физически связаны между собой и образуют одно конкретное целое; тогда как живые единицы, составляющие общество, "дискретны", т. е. свободны от этой физической связи, не находятся в непосредственном соприкосновении, но рассеяны в пространстве, на более или менее далеком расстоянии друг от друга. Словом, между частями биологического организма существует связь физическая; напротив того, между людьми — частями социального организма — связь психическая.

Из этого различия, которое само по себе столь важно, что не допускает отождествления социального организма с биологическим, вы-

текает другое значительное различие между организмами обоих порядков. Часть каждого растительного или животного организма не составляет сама по себе самостоятельного целого, не может жить вне этого организма, не может отделиться от него, чтобы прирасти к другому какому-нибудь организму. Член же социального организма имеет возможность отделиться от него (например, посредством эмиграции, перемены подданства) и стать частью другого социального организма. Далее, животная клеточка, с которой социологи любят сравнивать человека, может быть членом одного только организма, тогда как человек может быть одновременно членом нескольких социальных организмов. Он может быть зараз членом церкви и государства, которые даже не могут находиться во вражде между собой (как бывало в Средние века, во время борьбы императоров с Папами). Словом, физическая связь, существующая между определенным биологическим организмом и его частями, имеет характер безусловной необходимости; связь же психологическая, соединяющая человека с определенным социальным целым, такой необходимостью не обладает. Необходимость в области социологической выражается не в том, что человек должен быть членом того или другого определенного общества, а в том лишь, что он непременно должен быть членом какого-нибудь социального организма и вне общества существовать не может. Таким образом, человек — и в этом коренное различие между принципами социальной и животной организации — есть свободный член общественного организма: он до известной степени свободен выбирать общество, к которому он желает принадлежать.

Оставаясь в пределах того или другого организма, человек, в отличие от клеток живого организма, сам выбирает ту функцию, которую он желает отправлять; между тем как каждый из членов животного организма отправляет какую-либо одну, строго специализированную функцию, человек — член общественного организма может отправлять сразу или поочередно множество самых разнородных функций (например, быть одновременно профессором и адвокатом, быть сначала студентом, потом солдатом, а затем уже — членом суда и т. п.).

Как в организме животном, так и в организме социальном существует распределение разнообразных функций между отдельными органами: отсюда и возникает возможность ходячих в наше время сравнений рабочего класса с органами питания, правящего класса с мозгом и т. п. Однако сам Спенсер как раз в этом отношении указывает на важные различия между организмами обоих порядков. В организме социальном разделение труда, или, как выражается Спенсер, дифференциация функций, не может быть доведена до той степени, как в организме животном. В животном организме, например, одна часть — мозг — становится исключительным органом мысли и чувства; в организме социальном такая концентрация представляется невозможной: всякий орган общественного организма является носителем мысли и чувства. К сказанному Спенсером

следует добавить, что наибольшая дифференциация функций животного организма доказывает и совершенство его организации. С организмом социальным дело обстоит как раз наоборот. Общество, где умственное развитие сосредоточено только в одном классе, стоит очень низко на лестнице исторического развития сравнительно с обществом, где умственная жизнь развита во всех его слоях.

С этим связано еще и другое различие, опять-таки указанное Спенсером. В животном организме отдельный член всецело подчинен целям целого: целью организма не служит благо отдельных его членов (например, рук, ног и т. п.), а, напротив того, все эти части служат единой цели благосостояния организма как целого. Совершенно иное дело — организм общественный: тут конечной целью является отдельное лицо: в конце концов, общество существует для своих членов, а не они для него.

Всего этого, казалось бы, совершенно достаточно для установлений той истины, что общество есть организм *sui generis* и что сами принципы социальной организации коренным образом отличаются от принципов организации биологической. Однако злоупотребление биологическими сравнениями повлекло Спенсера в неверное изображение самого процесса общественного развития.

Современная критика недаром отмечает некоторую аналогию между Спенсером и старой исторической школой немецких юристов. Общественный организм, по мнению Спенсера, развивается совершенно так же, как и растительный и животный организмы, т. е. сам собой, помимо участия человеческого сознания и человеческой воли. Известный американский социолог Лестер Уорд справедливо упрекает Спенсера в том, что учение его не оставляет места для сознательной, целесообразной деятельности отдельных индивидов. С этим замечанием Лестер Уорд связывает такой же упрек, какой сделал Иеринг по адресу исторической школы, а именно: он считает учение Спенсера не только теоретически неверным, но и вредным. Внушая мысль, что в обществе все развивается само собой, учение Спенсера может убить в человеке всякую энергию, привести его к квиетизму и пассивному отношению к окружающей действительности.

То, что Иеринг говорит против Савиньи об участии сознания и воли в процессе правового развития, должно быть повторено и против учения Спенсера о процессе общественного развития. Кто хочет умалять значение самостоятельности и участия сознания и воли в общественном развитии, тот поворачивается спиной к фактам. При ближайшем знакомстве с историей мы убеждаемся, что всякий прогресс человеческой культуры достигается ценой великих жертв, упорной сознательной борьбой, которая предполагает напряжение энергии, участие сознания и воли. Раз мысль и воля представляют собой существенные свойства человека, они не могут не быть факторами социального развития, хотя, конечно, они и не являются его единственными факторами.

Сторонники старой механической теории думали, что общество есть всецело продукт человеческой воли и сознания. Это учение так же

односторонне, как и противоположная крайность некоторых сторонников органической теории, будто все развивается произвольно и бессознательно. В развитии общества участвует как тот, так и другой фактор: и сознательные усилия человеческой воли, и стихийная, растительная сила истории. Чтобы получить верное представление о развитии общества, нужно стать выше противоположных односторонностей механической и органической теории и сочетать в одном учении истинные стороны той и другой. А для этого нужно признать вместе с Гербертом Спенсером, что общество есть организм и что в развитии его участвуют стихийные, бессознательные силы; а с другой стороны, следует признать и то, что одними органическими факторами жизнь человеческого общества не исчерпывается.

Старые теоретики естественной школы неправильно видели в человеческом обществе единственно произведение разума, продукт человеческого сознания и воли. Но в их учении есть зерно истины: поскольку в развитии общества участвуют лица, воля и сознание являются важным фактором общественного развития. В этом участии человеческой воли и сознания в развитии общества и заключается специальная характерная черта общественного развития и различие между общественным организмом и организмом биологическим.

Это различие и служит главной причиной, почему общественный организм должен быть охарактеризован как организм своеобразный, *sui generis*. В отличие от клеток животного и растительного организма, люди сознают те цели, к которым они стремятся как в совокупности, так и в отдельности; они способны сознательно воодушевляться общественными идеалами и осуществлять их в действительность путем борьбы, ценой упорных усилий и тяжелых жертв. В этом участии сознания и воли в процессе общественного развития и заключается надорганический фактор развития общества.

Государство

Исследовав вопрос о сущности общества, перейдем к рассмотрению той его формы, которая представляется наиболее интересной для юристов, — к рассмотрению *государства*. Всякая форма человеческого общества предполагает непременно существование такой *общественной цели*, которая не может быть осуществлена разрозненными усилиями отдельных лиц; общество всегда преследует такую цель, для достижения которой люди должны соединиться, образовать кооперацию. Далее, для существования общества недостаточно преходящих, мимолетных целей; если люди соединяются для того, чтобы выполнить сообща какую-нибудь работу, или устроить облаву на медведей, или пирушку, то тут не может быть и речи об обществе: для существования общества необходима *цель постоянная, длящаяся*. Есть такие цели, для достижения которых человек добровольно вступает в ту или другую кооперацию:

такие цели лежат в основе, например, акционерных компаний, обществ ученых или благотворительных. Но есть и такие цели, которые объединяют людей помимо их воли, которые навязываются людям в силу самого их рождения. В силу самого рождения я принадлежу к тому или другому классу, национальности, государству: хочу я или не хочу, я в силу того положения, в какое поставило меня рождение, заинтересован в целом ряде целей, общих мне с другими лицами.

Разнообразие целей соответствует и великое разнообразие форм человеческого общества. Так как различные человеческие общества отличаются друг от друга прежде всего своими целями, то, казалось бы, что для определения отличия государства от других форм человеческого общества надо было бы рассмотреть отличие цели государства от целей других общественных союзов. Попытки эти, однако, должны были окончиться полнейшей неудачей: прийти к какому-нибудь соглашению относительно цели государства представляется невозможным, так как не только само понимание цели государства в различные эпохи различно, но в действительности государство в различные эпохи преследует различные цели: отсюда — разногласия между мыслителями, исходившими при определении государства из изучения его цели.

Аристотель, например, определяет государство как "соединение многих родов и деревень ради общения наилучшей, совершенной жизни". Древние греки вообще не признавали ничего высшего, чем государство и преследуемая им земная цель. И в самом деле, государство у них было средоточием всех умственных и нравственных интересов граждан: оно олицетворяло собой высшую цель и смысл существования личности, почему Аристотель и называет его "сообществом совершеннейшей жизни". В Риме государство уже перестает быть средоточием всех умственных и нравственных интересов, задача его существенно суживается: соответственно с этим римлянин Цицерон⁴⁷ видит в нем уже не олицетворение "высшего совершенства" человеческой жизни, а союз людей, объединенных общими началами права и общей пользой.

В Средние века цель государства совершенно иная: оно рассматривается как орудие церкви — задачей его считается насаждение истинной веры; и в самом деле, помимо целей светских, средневековое государство преследует также и цели религиозные, что явствует, например, из истории крестовых походов.

В Новое время цель государства опять-таки меняется: оно становится светским союзом, преследующим чисто светские цели. Но и в этих пределах то, что понимается под целью государства, беспрестанно меняется; в действительности и тут цель государства то расширяется, то сужается. Собразно с этим, по справедливому замечанию Коркунова, определения государства, даваемые с точки зрения его целей, в высшей степени субъективны; в этих определениях отражается не только разнообразие целей, в действительности преследуемых государством, но и разнообразие тех целей, которыми государство *должно* задаваться с точки зрения идеальных

представлений о нем различных исследователей. Так, например, по Гегелю,⁴⁸ государство есть "высшая действительность нравственной идеи"; по Велькеру, оно — "союз, стремящийся к правовой свободе и к счастью своих подданных"; по Чичерину,⁴⁹ оно — "союз, управляемый верховной властью для общего блага". Все эти определения несостоятельны потому, что в действительности государство вовсе не всегда представляет собой высшую действительность нравственной идеи, вовсе не всегда стремится к общему благу, к счастью *всех* своих подданных: словом, государство в действительности преследует весьма разнообразные цели, а потому при определении государства нельзя исходить из представления единой цели, преследуемой всеми государственными союзами.

Чтобы найти определение государства, надо начать с того признака, который никогда не возбуждал спора. Таким признаком является власть: никто никогда не сомневался в том, что государство есть союз, обладающий властью над своими членами. Стало быть, исходной точкой для определения государства должна послужить *власть*.

Но тут затруднение заключается в том, что власть есть признак, в котором государство сходится со многими другими союзами: властью обладают, например, различные местные общества, за которыми признается правительством автономия, например городские общества, олицетворяемые думами, уездные общества, олицетворяемые уездными земскими собраниями, и пр. Очевидно, что для определения государства необходимо выяснить, в чем заключается отличие государственной власти от власти других общественных союзов.

Профессор Коркунов видит отличительную особенность государства в том, что оно одно осуществляет самостоятельно принудительную власть. Коркунов хочет этим сказать, что власть государства, будучи принудительной, есть вместе с тем власть первоначальная, ни от кого не заимствованная, не подчиненная никакой другой власти, и что в этом заключается коренное отличие государства от всяких союзов.

Вряд ли, однако, можно согласиться с тем, что признаки, характеризующие государственную власть в отличие от власти других общественных союзов, верно подмечены профессором Коркуновым. Прежде всего принудительный характер присущ не исключительно одной государственной власти. Власть, которой пользовалась в Средние века католическая церковь, была принудительной; разбойничья шайка или революционный клуб, карающий своих членов смертью за всякую измену и отступничество, обладают властью в высокой степени принудительной. Мало того, все перечисленные формы общения при всем их различии сходятся в том, что власть их — совершенно самостоятельная, не заимствованная ни от какой другой власти. Таким образом, все эти три формы общения обладают теми специальными признаками, в которых Коркунов видит особенность и отличия государства.

В действительности основное отличие государства состоит не в том, что оно имеет власть самостоятельную и принудительную, а в том, что

оно пользуется властью самостоятельной и исключительной *в пределах определенной территории*. Власть католической церкви тем и отличается от государственной власти, что она не территориальна. Власти римского Папы подчинены все католики, где бы они ни проживали, стало быть, это власть над лицами, а не над лицами и *территорией*. Правда, в былые времена существовала особая папская территория; но тогда эта территория была папским государством, и Папа как верховный глава этой области был светским государем. Власть шайки разбойников и политического клуба есть также власть *только* над лицами. Но допустим, шайка разбойников завоевывает какую-нибудь территорию (как это иногда и бывало в Средние века), изгоняет из ее пределов всякую другую власть и подчиняет своему исключительному господству. В этом случае разбойничья шайка утрачивает свой первоначальный характер и приобретает характер государственный.

Особенность государства, как сказано, заключается в том, что оно властвует самостоятельно и исключительно в пределах определенной территории. Не подлежит сомнению, что, кроме государства, существуют другие общественные союзы, власть которых также территориальна (местные автономные общества). Власть этих союзов, будучи территориальной, отличается от власти государства тем, что она не самостоятельна, а, напротив того, заимствована и подчинена высшей власти. Власть земства или города не самостоятельна — потому что она существует лишь постольку, поскольку государство дает местным обществам эту власть, допускает в своих пределах местное самоуправление; она не исключительна, так как наряду с ней в той же местности существуют другие власти — власть центрального правительства в лице губернатора и пр. Напротив того, государство в пределах подчиненной ему территории господствует вполне исключительно, т. е. не допускает в этих пределах существования власти, не подчиненной ему. Никакое государство, как бы сильно оно ни было, не может воспрепятствовать образованию в своих пределах враждебных ему анархических партий или разбойничьих обществ; но оно остается государством лишь до тех пор, пока оно в состоянии отстаивать свою самостоятельную власть над территорией против внутренних и внешних врагов.

Определив отличительные особенности государственной власти, мы можем следующим образом резюмировать результат нашего анализа: *государство есть союз людей, властвующий самостоятельно и исключительно в пределах определенной территории*. Соответственно с этим определением в понятие государства входят следующие три элемента: 1) власть, обладающая указанными признаками самостоятельности и исключительности; 2) совокупность лиц, подчиненных этой власти, — народ и 3) территория. Подробная характеристика каждого из этих признаков в отдельности входит в область государственного права, а потому может быть опущена в курсе юридической энциклопедии.